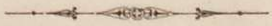
F 63/295

F 63/295

А. Ж.

Антокольскій и евреи.

Весь доходъ съ изданія предназначается авторомъ брошюры въ пользу бѣдныхъ евреевъ гор. Вильны.



ВИЛЬНА.
Тип. «Русскій Починъ», уг. Преображенс. и Семеновс. ул., д. Мацкевича.

1902.

Дозволено цензурою. Вильна, 7 Сентября 1902 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Открытое письмо А. Ж. къ редактору газеты „Бессарабецъ“ 1

Памяти М. М. Антокольскаго (статья А. Ж). . . 11

Въ защиту памяти М. М. Антокольскаго (письмо въ редакцію „Виленскаго Вѣстника“ Г. М. Антокольскаго). 25

Еще нѣсколько словъ въ защиту памяти М. М. Антокольскаго (статья А. Ж). 30

Письмо къ еврею—А. Ж. 75

Открытое письмо А. Ж. къ редактору газеты „Бессарабецъ".

Милостивый государь, г-нъ редакторъ! Благодарю васъ, душевно благодарю за нравственную, товарищескую поддержку, открыто оказанную мнѣ тѣмъ, что «Бессарабецъ» перепечаталъ изъ «Виленскаго Вѣстника» статьи мои о художникѣ М. М. Антокольскомъ и тѣмъ далъ мнѣ возможность не только высказаться лишній разъ объ этомъ интересномъ, талантливомъ дѣятелѣ, хорошемъ русскомъ человѣкѣ и плохомъ «евреѣ», но и оправдаться...

Когда умеръ Антокольскій и въ еврейскихъ газетахъ раздались громкіе голоса, умышленно замалчивавшіе правду, раздувавшіе значеніе дарованія покойнаго и, попутно, съ развязностью, задѣвавшіе русское общество, то я, въ качествѣ русскаго писателя, позволилъ себѣ печатно, на страницахъ «Виленскаго Вѣстника», остаться при особомъ мнѣніи, доказывая, что для еврейства Антокольскій, какъ еврей, давно былъ потерянъ еще при жизни, что по духу, по жизни онъ былъ христіаниномъ, почему и весь шумъ, поднятый въ русско-еврейской прессѣ по поводу кончины его и похоронъ, смахиваетъ, по моему мнѣнію, на желанье нѣкоторой части евреевъ сдѣлать хорошій гешефтъ даже изъ чужой смерти. Замѣтка моя была проникнута горячей любовью и уваженіемъ къ покойному Антокольскому, какъ человѣку, и ее,

вѣроятно, замолчали бы въ печати, забыли, какъ забываются у насъ обыкновенно «особыя мнѣнія» въ шумѣ и гвалтѣ «большинства голосовъ». Но, на бѣду для нѣкоторой части евреевъ, особенно усердствовавшихъ въ извѣстномъ освѣщеніи покойнаго художника, въ защиту знаменитаго своего родственника, выступилъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ», нѣкій «кандидатъ правъ» Г. М. Антокольскій, своимъ непрошеннымъ вмѣшательствомъ оказавшій крайне грустную услугу не только памяти покойнаго скульптора, но и своимъ соплеменникамъ...

Вамъ, какъ редактору и писателю, будетъ интересно знать, при какихъ исключительныхъ условіяхъ появилось на свѣтъ Божій опроверженіе г. Г. М. Антокольскаго (письмо въ редакцію), за которое напрасно упрекаютъ «Виленскій Вѣстникъ». Редакція «Виленскаго Вѣстника» находила сперва совершенно лишнимъ и неприличнымъ печатать странное, неосторожное и рѣзкое письмо этого неизвѣстнаго ей господина. Но Г. М. Антокольскій, называя себя «писателемъ», неоднократно, упрямо настаивалъ на томъ, чтобы родственное опроверженіе его было напечатано, притомъ —безъ сокращеній, немедленно, увѣряя, что «дорого яичко для Христова дня», т. е. дорого ему выругать меня возможно скорѣе. Тогда редакція газеты обратилась ко мнѣ, своему старому сотруднику, взгляды котораго на еврейство ей были хорошо извѣстны, съ вопросомъ, какъ поступить въ данномъ случаѣ, предоставивъ мнѣ самому рѣшить судьбу «письма въ редакцію» г. Антокольскаго и высказавшись за отказъ въ помѣщеніи подобнаго произведенія... Конечно, при такой обстановкѣ, одного слова моего было бы достаточно для того, чтобы пристрастный родственный вопль не по-

ражалъ ушей русскихъ читателей русской газеты... Но я поступилъ иначе: какъ писатель, какъ уважающій чужое мнѣніе, даже грубо, неприлично и фальшиво выраженное, я... *самъ просилъ редакцію «Виленскаго Вѣстника» напечатать сомнительное письмо Г. М. Антокольскаго*, предложивъ ему самому вычеркнуть лишь одну неприличную фразу—въ его же интересахъ... Въ то же время мнѣ вѣрилось, что инцидентъ этотъ будетъ вполнѣ улаженъ печатнымъ удовлетвореніемъ родственника покойнаго: еврей, выругавшись, отведя душу, какъ я думалъ, успокоится и успокоитъ своихъ единовѣрцевъ и единомышленниковъ... Напрасно я, однако, понадѣялся на чужую совѣсть, на чистоту нашихъ литературныхъ нравовъ, на безпристрастіе собратій по перу, на поддержку русской прессы... Повторилась старая исторія, неоднократно уже имѣвшая мѣсто на Руси: когда русскіе толкнутъ еврея, даже неправаго, —на защиту его, во имя солидарности, какъ одинъ человѣкъ, поднимается весь еврейскій кварталъ; когда же евреи бьютъ русскаго, то русскіе преспокойно сидятъ себѣ по угламъ, съ поговоркой «моя хата съ краю», или закутываются плотнѣе въ свои одѣяла, чтобы не попасть въ благородные свидѣтели... По традиціи, русскія газеты и на этотъ разъ замолчали мою статью объ Антокольскомъ. Зато еврейскіе и еврействующіе органы печати, воспользовавшись этимъ молчаніемъ, поспѣшили сдѣлать иначе: не перепечатавъ моей статьи, они помѣстили, въ то же время, съ гадкими коментаріями по моему адресу «письмо въ редакцію» Г. М. Антокольскаго, предварительно очистивъ этотъ «человѣческій документъ» отъ грязи, пропитавшей его яростныя, необдуманныя

строчки и выкинувъ изъ него все, что свидѣтельствовало о жалкомъ незнаніи «кандидатомъ правъ» исторіи своего народа, русской жизни, даже жизни своего родственника, адвокатствовать за котораго онъ столь самоувѣренно взялся... Такъ, журналы «Восходъ» и «Будущность» предусмотрительно выбросили изъ произведенія г. Антокольскаго такіе фальшивые перлы, какъ «расцвѣтъ либеральныхъ идей» шестидесятыхъ годовъ, будто бы оказавшій вліяніе на талантъ Антокольскаго, фразу о томъ, что «Булгарины, Катковы и Буренины у насъ еще на Руси не перевелись» и т. п... Но болѣе мелкія еврейскія газетки, особенно одесскія, попались-таки на удочку, повторивъ за г. Г. М. Антокольскимъ фразу про Каткова и тѣмъ печатно расписавшись въ неблагодарности, незнаніи и непониманіи... Какъ бы то ни было, на страницахъ крупныхъ еврейскихъ органовъ—«Восхода» и «Будущности»,—при дружныхъ усиліяхъ редакціонныхъ еврейскихъ ножницъ, кандидатъ правъ г. Г. М. Антокольскій явился «обрѣзаннымъ» по обряду еврейской прессы и въ то же время чистенькимъ, невиннымъ, благородно возставшимъ за родственника еврея-художника, за поруганное какимъ-то неизвѣстнымъ А. Ж. на страницахъ неизвѣстной провинціальной газетки бѣдное еврейство... И удивительна быстрота, съ которой опроверженіе г. Антокольскаго изъ Вильны попало въ одесскія еврейскія гезеты... Словно кто то поспѣшилъ разослать его туда... Невольно при этомъ вспомнилась мнѣ знаменитая историческая «пантофельная почта» Сѣверо-Западнаго края...

Нечего говорить, какъ огорчило меня подобное дружеское «обрѣзаніе» г. Антокольскаго (пись-

ма его въ редакцію), подобное замалчиваніе моей статьи, подобные пріемы полемики!.. *) Все это, въ связи съ желаніемъ знакомыхъ моихъ, возмущенныхъ литературнымъ произведеніемъ Г. М. Антокольскаго, заставило меня въ трехъ №№ «Виленскаго Вѣстника» дать должную отповѣдь этому господину, попутно освѣтивъ еще ярче, еще убѣдительнѣе личность усопшаго скульптора Марка Матвѣевича Антокольскаго его собственной автобіографіей, указавъ на поучительное значеніе послѣдней для исторіи русскаго еврейства... И эту статью мою замолчали какъ русскіе, такъ и еврейскіе органы печати!.. О русскихъ органахъ печати я поговорю въ другой разъ... Ну, а со стороны евреевъ это было вполнѣ понятно: кто самъ на себя станетъ налагать сознательно руки, выдавая «своего» на поруганіе и осмѣяніе гоямъ?!. Такимъ образомъ, во всей красѣ и силѣ осталось на страницахъ печати одно лишь родственное возраженіе Антокольскаго съ гаденькими коментаріями по моему адресу еврейскихъ газетъ и газетокъ...

Вотъ почему, г. редакторъ, я гласно приношу вамъ и «Бессарабцу» мое русское «спасибо» за то, что газета ваша, имѣющая большой кругъ читателей, враговъ и друзей, перепечатала въ выдержкахъ статьи мои о художникѣ Антокольскомъ, чѣмъ и дала возможность многимъ, которые прочли въ еврейскихъ органахъ лишь ловко и хитро «обрѣзанное», поддѣльное письмо г. Г. М. Антокольскаго, познакомиться и съ моими взглядами,

---

*) «Восходъ» даже «обрѣзалъ» г. Иванова, цитируя изъ «Новаго Времени» статью послѣдняго объ Антокольскомъ. Ивановъ говоритъ, что Антокольскій обязанъ Вильнѣ только своимъ *природнымъ* талантомъ. А «Восходъ» отбросилъ слово «природный»—и на тему о талантѣ пустился въ разглагольствованія. Но вѣдь вся сила была въ словѣ «природный»!.. Таково развязное обращеніе съ чужими документами!!.

сдѣлавъ соотвѣтствующій безпристрастный выводъ изъ возникшей полемики...

Но такъ какъ №№ «Бессарабца» и «Виленскаго Вѣстника» современемъ затеряются и самая полемика, возникшая у гроба Антокольскаго, забудется, а клевета и искаженіе истины, какъ водится, пойдутъ безнаказанно гулять по свѣту, находя себѣ поклонниковъ и подражателей, то я рѣшилъ въ непродолжительномъ времени выпустить брошюрку, содержаніемъ которой будутъ служить статьи мои о М. М. Антокольскомъ и настоящее письмо мое къ вамъ, г. редакторъ, какъ объясняющее главную причину появленія брошюры—странное поведеніе еврейской прессы. Брошюру эту издамъ я съ благотворительной цѣлью, предназначивъ весь сборъ съ нея въ пользу бѣдныхъ евреевъ г. Вильны, т. е. въ пользу той сѣрой, несчастной, голодающей массы, о которой при жизни такъ много скорбѣлъ (увы, на словахъ) покойный М. М. Антокольскій...

А пока могу сообщить вамъ, на основаніи достовѣрныхъ фактовъ, что статьи мои объ М. М. Антокольскомъ, напечатанныя въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» и перепечатанныя затѣмъ въ «Бессарабцѣ», произвели-таки должное впечатлѣніе холоднаго, отрезвляющаго душа на многихъ благоразумныхъ интелигентныхъ евреевъ, которые, не зная хорошо истинныхъ взглядовъ и убѣжденій Антокольскаго, не будучи совсѣмъ знакомы съ его замѣчательной исповѣдью-автобіографіей или забывъ про нее, повѣрили на слово «кликушамъ» нѣкоторой части еврейской прессы, писавшимъ неправду о покойномъ и выставлявшимъ его цвѣтомъ еврейства, достойнымъ выразителемъ послѣдняго... Несомнѣнно, статьи мои въ недалекомъ

будущемъ сыграютъ ту же благотворную роль и въ возникшемъ вопросѣ—объ устройствѣ въ Вильнѣ «художественно-промышленнаго училища» для еврейскихъ ремесленниковъ... Мысль такого учебнаго заведенія, конечно, прекрасна; ее привѣтствуютъ одинаково и русскіе, и евреи... Роковое же недоразумѣніе заключалось до сихъ поръ въ томъ, что училище хотятъ посвятить пямяти Антокольскаго, какъ «настоящаго еврея», много сдѣлавшаго своимъ дарованіемъ для еврейства вообще, а для евреевъ г. Вильны въ частности... Статьи мои какъ разъ вовремя напомнили виленскимъ евреямъ о томъ, что̀ такое въ сущности значилъ для еврейства покойный М. М. Антокольскій и какіе завѣты убѣжденнаго христіанина оставилъ онъ еврейскому народу... Но самый фактъ отрезвляющаго вліянія газетныхъ статей на массу нельзя не отмѣтить, какъ фактъ, лишній разъ указывающій на то, что искреннее, честное слово не остается безъ отклика, несмотря на клевету и попытки замолчать его.

Должную оцѣнку сдѣлали уже многіе порядочные евреи и тому возмутительному мѣсту развязнаго письма въ редакцію «Виленскаго Вѣстника» Г. М. Антокольскаго, гдѣ господинъ этотъ, подчеркнувшій свое кандидатство правъ, т. е. образованіе въ высшемъ русскомъ учебномъ заведеніи, ради краснаго словца и дешеваго либерализма, наряду съ Булгаринымъ и Буренинымъ, лягнулъ ни съ того, ни съ сего память такого честнаго, безпристрастнаго дѣятеля, какимъ былъ и до сихъ поръ остается въ глазахъ всѣхъ порядочныхъ людей М. Н. Катковъ... И русскіе органы печати обошли молчаніемъ подобное гласное оскорбленіе евреемъ русскаго славнаго историческаго имени!..

Всѣмъ извѣстно хорошо, какъ много, *во имя справедливости*, сдѣлалъ въ защиту человѣческихъ правъ русскаго еврея М. Н. Катковъ, сколько разъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» мощно и властно раздавался на всю Россію голосъ его, когда вопросъ касался новыхъ ограниченій евреевъ, и какъ однажды спасъ онъ русское еврейство отъ неминуемой смертельной опасности... *) Нечего удивляться поэтому, что когда вѣсть о тяжкой болѣзни Каткова достигла до евреевъ, то о выздоровленіи его служились во всѣхъ синагогахъ Россіи молебны, а когда онъ скончался, то тамъ же за упокой души его возносились евреями горячія благодарственныя молитвы. Большинство еврейскихъ органовъ печати—и русскихъ, и заграничныхъ—посвятили немедленно памяти покойнаго сочувственныя статьи, выставляя многочисленныя заслуги его передъ еврействомъ; нѣкоторые листки того времени въ настоящую минуту—пока пишу эти строки—лежатъ передо мною... Но прошли годы, сравнительно немного лѣтъ... Изъ того же поколѣнія евреевъ, которое грудью своей такъ недавно еще отстаивалъ М. Н. Катковъ, вышелъ, воспитался, созрѣлъ «кандидатъ правъ» Г. М. Антокольскій—созрѣлъ для того, чтобы посягнуть печатно, всенародно на одинаково священную для русскихъ и евреевъ загробную тѣнь... Хорошо, что Катковъ не дожилъ до такого скорбнаго дня и не услышалъ словъ неблагодарности отъ образованнаго еврея, имянующаго себя писателемъ, для котораго прежде всего обязательно знать твердо ис-

---

*) Катковъ не былъ юдофиломъ и не симпатизировалъ еврейству; но онъ не забывалъ, что евреи прежде всего—люди, къ которымъ необходимо относиться по-человѣчески, оставляя въ сторонѣ личныя симпатіи и антипатіи—разъ вопросъ касается интересовъ всего народа...

торію своего народа, имена тѣхъ, кто послѣднему благодѣтельствовалъ. Счастье, что Каткову не суждено было дожить до такого времени, когда тѣ же еврейскіе органы печати, которые когда то льстиво воспѣвали ему хвалебные гимны, получивъ для перепечатки «письмо въ редакцію» Г. М. Антокольскаго, умышленно выбросили лишь то мѣсто письма, гдѣ ѣдко говорилось о немъ, Катковѣ, но воспользовались другими нечистыми мѣстами того же письма—вмѣсто того, чтобы вернуть все некрасивое произведеніе автору, брезгливо сказавъ ему: «можемъ-ли въ чемъ-либо вѣрить вамъ, г. кандидатъ правъ, если вы посягнули на имя своего благодѣтеля ?! Стыдитесь и не распространяйте вашей клеветы! Двери нашихъ редакцій для васъ навсегда закрыты».

Но я думаю, что если бы живъ былъ Катковъ, то, въ благородной справедливости, прочтя о себѣ некрасивую выходку интеллигентнаго еврея, онъ не измѣнилъ бы своихъ убѣжденныхъ отношеній ко всему еврейству, сказавъ: «Грустныя исключенія не составляютъ еще общаго правила!.. Оставьте въ покоѣ г. кандидата правъ, «стыдомъ его казня!» *). И онъ поступилъ бы вполнѣ логично... Знаете ли вы, г-нъ редакторъ, какое поголовное осужденіе (къ сожалѣнію, негласное, непечатное) вызвала неумѣстная выходка «кандидата правъ» по отношенію къ М. Н. Каткову со стороны лучшихъ представителей современнаго еврейства?!. Я это знаю, какъ знаю и то, что друзья мои изъ среды евреевъ, и послѣ «письма въ редакцію» Г. М. Антокольскаго, остались, попрежнему, моими друзьями, презрѣвъ его личныя, по отношенію ко мнѣ, выходки... Друзья эти въ претензіи

*) Изъ стихотворенія Апухтина «Памятникъ».

на меня... За что,—какъ вы думаете?!. За то, что я, старый писатель и дѣятель, вступилъ въ полемику съ какимъ то неизвѣстнымъ «кандидатомъ правъ!».. Они пишутъ мнѣ и говорятъ объ этомъ... Какъ будто бы, возражая въ «защиту памяти Антокольскаго», я имѣлъ въ виду личные счеты, а не интересы печатно поруганной истины!!.

Тѣмъ не менѣе, все это, несомнѣнно, радостные факты, указывающіе на жизнь, на новыя теченія въ средѣ современнаго образованнаго еврейства... Станемъ же терпѣливо ждать будущаго и надѣяться!.. Совы всегда усиленно кричатъ и суетятся передъ утренней зарею: ихъ раздражаетъ уже одно предчувствіе грядущаго свѣта, который разгонитъ ихъ по логовищамъ... Но заря близка, и когда она наступитъ, наконецъ, для еврейства (а я вѣрую въ такой счастливый день!), то совершенно смолкнутъ голоса этихъ мрачныхъ, зловѣщихъ представителей тьмы и сумерекъ... Яркимъ, побѣднымъ свѣтомъ ворвавшагося дня озарится минувшее—и тогда станетъ очевиднымъ, кто были истинными друзьями еврейства: тѣ ли, которые въ глаза говорили еврейскому народу подчасъ горькую, неподкрашенную правду, упрямо призывая его къ истинѣ и свѣту, будя его мысль и совѣсть, или тѣ, кто фанатично замалчивали эту правду, вооружая еврейскую массу противъ русскаго общества, противъ такихъ защитниковъ, какимъ былъ для евреевъ М. Н. Катковъ...

И еще разъ благодарю васъ за поддержку вашу!

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности А. Ж.

Г. Вильна,
15 августа 1902 года.

Памяти М. М. Антокольскаго.

Статья А. Ж. *)

Смерть Антокольскаго, конечно, большая, замѣтная потеря для искусства вообще, а для русскаго искусства въ особенности, и мы, русскіе, первые искренно оплакиваемъ эту потерю: Антокольскіе появляются на свѣтъ Божій не часто, но они надолго оставляютъ по себѣ прочную память. Я нарочно просматривалъ всѣ русскія газеты и съ чувствомъ удовлетворенія нахожу, что достойному русскому гражданину и художнику воздана достойная дань русскимъ обществомъ.

Нечего говорить, что такъ называемые «еврейскіе» органы русской печати поспѣшили уже надѣлить Антокольскаго титуломъ «великій», «геніальный», «незамѣнимый», «единственный» и т. п. Но тотъ, кто побывалъ въ Италіи, кто изучалъ на мѣстѣ выдающіеся образцы италіанскаго искусства, кто посѣтилъ хотя-бы Геную и ее знаменитое «Campo Santo», а также галереи Европы— тотъ безпристрастно скажетъ, что покойный Антокольскій былъ далеко не геній и никакой особенной школы послѣ себя не оставилъ потомству, какъ-бы это ни было желательно доказать не въ мѣру услужливымъ его поклонникамъ... Большинство работъ Антокольскаго свидѣтельствуетъ несомнѣнно о выдающемся, крупномъ дарованіи, отличается вдумчивостью, упорнымъ трудомъ и по-

*) «Виленскій Вѣстникъ» 1902 г. 12 іюля, № 160.

рой смѣлостью художественныхъ пріемовъ. Но онѣ нуждаются въ толкованіи, и еслибъ не было надписей «Іоаннъ Грозный», «Несторъ», «Ермакъ», то посѣтитель музея Императора Александра III въ большинствѣ случаевъ принялъ-бы въ изображеніяхъ не тѣхъ лицъ, которыхъ желательно было создать въ мраморѣ или бронзѣ художнику. Дѣйствительно, почему этотъ воинъ именно «Ермакъ», а не какой-либо иной воинъ, почему это—лѣтописецъ Несторъ, а не простой монахъ?!. Почему это—«мефистофель», а не «выкупавшійся еврей»?... Отъ всѣхъ этихъ статуй, изваянныхъ на заданныя темы, вѣетъ холодомъ, трудовымъ пóтомъ—особенно послѣ одухотворенныхъ, часто небрежно неоконченныхъ, мраморовъ Италіи...

Но есть у Антокольскаго дѣйствительно выдающіяся вещи: хотя-бы памятникъ его работы на кладбищѣ въ Римѣ, надъ могилой княжны Оболенской, хотя-бы произведенія его, связанныя съ жизнью Христа, христіанка въ катакомбахъ и др. Передъ такими вещами вы невольно останавливаетесь и онѣ долго еще васъ преслѣдуютъ въ воображеніи—быть можетъ потому, что здѣсь Антокольскій дѣйствительно творилъ «по наитію свыше», какъ чистый художникъ, во имя отвлеченной идеи, не стараясь быть «русскимъ», философомъ, историкомъ, учителемъ толпы, т. е. выйти изъ рамокъ художественнаго творчества.

А между тѣмъ составили ему имя - какъ это ни странно на первый взглядъ—главнымъ образомъ тѣ произведенія его, въ которыхъ искусство затемнено предвзятою тенденціей. Еще вчера долго стоялъ я передъ его прославленнымъ «Іоанномъ Грознымъ», стараясь увлечься этой бронзовой фигурою, какъ образцомъ искусства: но тя-

желая по исполненію, шаблонная бронза, которую вижу по крайней мѣрѣ въ 20-й разъ, и въ это посѣщеніе не говорила ни уму, ни сердцу,—тогда какъ памятникъ кн. Оболенской—до сихъ поръ увлекаетъ меня въ область вѣчныхъ идеаловъ.

Не удивительна-ли судьба Антокольскаго!... Изъ жалкаго, нищаго еврейчика, бѣгавшаго въ оборванномъ платьѣ по грязнымъ закоулкамъ еврейскихъ кварталовъ Вильны, черезъ сравнительно небольшой промежутокъ времени, постепенно вырабатывается настоящій художникъ, человѣкъ самообразовавшій себя, человѣкъ хорошаго общества, живущій въ Парижѣ, имѣющій свою виллу въ Швейцаріи, поддерживающій дружескія отношенія съ выдающимися представителями литературы, искусства, администраціи не только въ Россіи, но и въ Европѣ... Точно какая-то сказка!...

По объявленіямъ, расклееннымъ на улицахъ г. Вильны, въ которой я былъ проѣздомъ, извѣщавшихъ о смерти Антокольскаго виленскую публику, узналъ я впервые, что покойный былъ не только профессоръ, но и «дѣйствительный статскій совѣтникъ». Какъ обидно и больно стало мнѣ за искусство, когда прочелъ я эту чиновную подробность, подчеркнутую жирнымъ шрифтомъ надъ гробомъ всѣми признаннаго художественнаго таланта!... Для Вильны, слишкомъ хорошо знавшей маленькаго Мордуха Антокольскаго, долго слѣдившей за тѣмъ, какъ изъ этого неизвѣстнаго Мордуха выросъ извѣстный Маркъ Матвѣевичъ, достаточно было-бы краткаго извѣщенія «скончался скульпторъ Антокольскій». Впечатлѣніе было-бы произведено болѣе сильное... И какую цѣну имѣетъ для вѣчности, для характеристики художника титулъ «дѣйствительнаго статскаго совѣтни-

ка», какъ и всѣ ордена русскіе и иностранные, которыми, быть можетъ, украшена была при жизни его грудь?!...

Я зналъ лично покойнаго Антокольскаго и не забуду того пріятнаго впечатлѣнія, которое оставило во мнѣ наше первое знакомство: средняго роста, съ сильной просѣдью въ густыхъ волосахъ головы и бороды, съ умнымъ, нервнымъ лицомъ и глубоко-сидящими, проницательными глазами, свободно-говорящій по-французски, безукоризненно, модно одѣтый, съ привычками и манерами настоящаго, избалованнаго барина—онъ, конечно, ни чѣмъ не напоминалъ того жалкаго, забитаго еврейчика, которымъ когда-то знала его Вильна. Такъ и чувствовалось, что цивилизація выкурила изъ этого господина навсегда специфическій ароматъ еврейства, и если-бы не акцентъ, то Антокольскаго смѣло можно было бы принять за парижанина. Я засталъ его въ «Европейской» гостиницѣ, г. Вильны, окруженнаго услужливыми, раболѣпными жидками, предлагавшими ему на перебой купить старинныя гравюры, обрывки старинныхъ матерій... Съ видомъ знатока, небрежно перебиралъ онъ при мнѣ еще нѣкоторое время этотъ хламъ, а потомъ рѣзкимъ жестомъ прогналъ посѣтителей за двери, сказавъ имъ что-то по-еврейски... Мы заговорили объ искусствѣ, о выставкахъ, о былой и современной Вильнѣ... Довольно свысока ронялъ передо мною Антокольскій свои воспоминанія объ отношеніяхъ къ болѣе или менѣе выдающимся дѣятелямъ прежней Вильны, кое о комъ отозвался даже запамятованіемъ... И только позднѣе, во время нашей прогулки по городу, онъ бросилъ холодно-небрежный тонъ сановника, который такъ мало шелъ къ нему,

заговоривъ со мною языкомъ простого смертнаго и хорошаго, умнаго, задушевнаго человѣка.

Къ чести Антокольскаго слѣдуетъ удостовѣрить, что страданія, испытанныя имъ нѣкогда въ дѣтствѣ и юности въ стѣнахъ Вильны, борьба за насущный кусокъ хлѣба, непониманіе той еврейской среды, изъ которой онъ вышелъ, нисколько не озлобили его, не убили въ немъ чувства справедливости: въ этомъ человѣкѣ жило, трепетало благородное, а, главное, *благодарное*, теплое сердце, отзывчивое къ страданію ближняго—и надо было слышать, какъ трогательно говорилъ онъ о своей матери-старухѣ, темной, заурядной еврейкѣ, надо было видѣть, какъ старался онъ обставить ее возможно удобнѣе, внести въ жизнь ея радость—въ рѣдкіе пріѣзды его въ Вильну!!.. Онъ не стыдился своей убогой, необразованной матери—и, право, слѣдовало бы замѣнить газетные вопли «великій», «геніальный художникъ» скромными, но святыми словами: «чудный, благородный, любящій сынъ старухи-матери, трогательно, свято оберегавшій дни ея старости».

Тутъ невольно, самъ собою напрашивается вопросъ: «Почему Антокольскаго не похоронили въ Вильнѣ, хотя-бы рядомъ съ этой самой матерью, которую онъ такъ чтилъ при жизни, между знакомыми, и родными, изъ среды которыхъ онъ вырвался къ свѣту?!». Не говорили-ли-бы много посѣтителю виленскаго еврейскаго кладбища двѣ, рядомъ стоящія, могилы—неизвѣстной еврейки и ея знаменитаго сына, столь ее любившаго и благодарнаго за ея материнское попеченіе?! Почему, наконецъ, избранъ былъ, какъ мѣсто для послѣдняго упокоенія Антокольскаго, именно Петербургъ — городъ, довольно скептически отно-

сившійся къ таланту и первымъ художественнымъ шагамъ покойнаго, городъ, гдѣ онъ столько выстрадалъ и гдѣ его чуть не до послѣднихъ дней осмѣивали?... Или друзья художника хотѣли создать могилою его вѣчный упрекъ столичнымъ врагамъ его, завистникамъ и недругамъ?!.. Не знаю. Но припоминается мнѣ слѣдующее: нѣсколько лѣтъ тому назадъ долго бродилъ я по Вильнѣ съ покойнымъ Антокольскимъ. Онъ не узнавалъ многихъ улицъ, знакомыхъ ему когда-то въ дѣтствѣ, возмущался безобразной архитектурою вновь воздвигнутыхъ громоздкихъ зданій... И, по мѣрѣ того, какъ мы углублялись въ еврейскіе кварталы (съ археологическими цѣлями), прошлое, вопіющее прошлое съ поражающей ясностью, какъ назойливый, грозный призракъ, очевидно вставало въ памяти взволнованнаго художника. Подъ этимъ впечатлѣніемъ многое передалъ онъ мнѣ изъ своего грустнаго дѣтства, изъ той поры, когда первые наброски углемъ, взятымъ изъ печки матери, дѣлалъ онъ на клочкахъ бумаги, подобранныхъ на виленскихъ улицахъ, разрисовывая стѣны домовъ и заборы; когда, въ праздничный день, убѣгалъ онъ за-городъ, въ «Закретъ», въ рощу и слушалъ, слушалъ до забвенія, до слезъ пѣніе птицъ, шумъ деревьевъ, говоръ волнъ протекающей внизу Виліи... То были трогательныя, захватывавшія душу воспоминанія—воспоминанія, озарявшія усталыя черты лица художника страдальческою, скорбною улыбкой... Когда мы очутились, наконецъ, на Большой Погулянкѣ и я указалъ мѣсто, съ котораго люблю глядѣть на городъ, —откуда дѣйствительно открывается прекрасный видъ,—Антокольскій передалъ мнѣ свою завѣтную мечту: на старости переѣхать въ Вильну,

построить себѣ уютный домъ-особнякъ съ мастерскою на Погулянкѣ, съ возвышенности которой открывался бы видъ на городъ—родину, и закончить въ Вильнѣ-же дни свои... И вдругъ читаю въ газетахъ, что Антокольскаго везутъ мимо Вильны, въ Петербургъ!.. Неужели-же такова была послѣдняя воля покойнаго?!.. Или съ прахомъ его распорядились—въ видахъ какихъ-то цѣлей?!..

Въ одной изъ рѣчей, произнесенныхъ, судя по газетамъ, надъ могилою Антокольскаго, ставится въ заслугу ему, что онъ до послѣднихъ дней «остался евреемъ»; еврейское общество, провожавшее прахъ художника къ мѣсту послѣдняго упокоенія, подчеркивало, что оно воздаетъ должную дань уваженія своему, «еврею». Мнѣ кажется, что здѣсь кроется грубое недоразумѣніе... Да былъ-ли Антокольскій «евреемъ» въ томъ смыслѣ, какъ «еврейство» понимается и евреями, и христіанами?!.—Едва-ли!..

Кучка виленскихъ русскихъ людей, во главѣ съ добрѣйшимъ генералъ-губернаторомъ В. Ив. Назимовымъ и его семьею, вырвала нѣкогда Антокольскаго изъ мрака еврейской нищеты и выдвинула его на путь искусства.—Въ Вильнѣ до сихъ поръ еще живы нѣкоторые дѣятели, которые совѣтомъ и деньгами помогли тогда начинающему дарованію. Русскіе-же люди приняли подъ свою опеку никому неизвѣстнаго еврейчика въ столицѣ, оказали ему поддержку, у русскихъ людей онъ жилъ, съ русскими людьми сошелся, русская академія художествъ дала ему образованіе и русскіе-же лавры впервые украсили его юную голову. Въ Вильнѣ до сихъ поръ существуетъ и старушка, русская, на квартирѣ которой въ Петербургѣ жилъ Антокольскій въ качествѣ скромнаго, подающаго

надежды, ученика академіи художествъ. Она не разъ передавала мнѣ интересныя подробности изъ прошлаго Антокольскаго, а также о той борьбѣ, которая встрѣтила первыя начинанія его въ столицѣ: если бы не русскіе люди, то, не смотря на свое природное дарованіе, погибъ-бы Антокольскій, какъ погибли до него многіе таланты на свѣтѣ. А гдѣ были въ то, первое, время этой борьбы евреи? Велика -ли была ихъ помощь, нравственная и матеріальная?!.

Помню, какъ Антокольскій передавалъ мнѣ про то, съ какимъ недовѣріемъ, несочувствіемъ, даже враждою отнеслись первоначально виленскіе евреи, въ томъ числѣ и родные, къ замыслу его— бросить ремесло и стать художникомъ; какъ мало поддержки и сочувствія встрѣтилъ онъ среди родныхъ и близкихъ, какъ осмѣивались евреями его замыслы... За то, съ благодарностью вспоминалъ онъ о помощи русскихъ... Недаромъ же такъ тянуло покойнаго въ Россію, такъ любилъ онъ русскихъ, считалъ себя русскимъ, введя въ домѣ своемъ, въ частной жизни, русскій языкъ, русскіе обычаи!—Повторяю, это было *благодарное*, горячее сердце, которое умѣло помнить благодѣянія..

У юноши-еврея, когда онъ пожилъ немного въ Петербургѣ и освоился, развилось гигантское самолюбіе въ груди, загорѣлись дерзкіе художественные замыслы въ головѣ. Имѣя грошъ въ карманѣ, но сознавая въ себѣ искру Божественнаго огня, смѣло бросилъ онъ вызовъ судьбѣ... Начались неудачи, уколы самолюбія, мелкая, унизительная борьба—столь рѣзко противорѣчившіе высокому душевному настроенію... И кто-же поддерживалъ снова Антокольскаго?... Русскіе, рус-

скіе и русскіе... Позднѣе, когда Антокольскій сталъ на ноги, окрѣпъ, явились и евреи; но то было уже гораздо позднѣе...

Припоминаю одинъ эпизодъ изъ жизни Антокольскаго, разсказанный все тою-же старушкой, у которой онъ долго жилъ: Императоръ Александръ II посѣтилъ студію начинающаго художника, чтобы взглянуть на «Іоанна Грознаго», про котораго много говорили въ обществѣ. Его Величество, по словамъ Антокольскаго, милостиво распрашивалъ его объ его прошломъ и даже шутилъ съ нимъ, замѣтивъ—на отвѣтъ,—что онъ родился въ Вильнѣ: «По городу и кличка»!—И что-же?—Антокольскій вернулся на квартиру взбѣшенный, со слезами оскорбленія и горя, разсказывая своей хозяйкѣ о томъ, что Государь все время говорилъ ему «ты». И не русская-ли женщина успокоила талантливаго еврея, увѣривъ, что онъ долженъ быть счастливъ оказанною ему милостью и что Русскій Царь говоритъ «ты» лицамъ, стоящимъ даже очень высоко въ обществѣ...

И вотъ, окунувшись въ русскую жизнь, въ русскую среду—послѣ прозябанія въ польско-еврейской Вильнѣ того времени,—близко познакомившись съ произведеніями русскаго искусства и его представителями, Антокольскій отъ изображенія «портного-еврея, вдѣвающаго нитку въ иголку», и еще другого еврея, круто повернулъ къ типамъ изъ русской исторіи, начавъ съ Іоанна Грознаго, поразившаго своей фигурою его воображеніе, а затѣмъ обратился къ жизни Христа—но не того Христа, какимъ считаютъ Его евреи, а Христа по представленію вѣрующихъ христіанъ... И такъ понять, такъ полюбить Христа, какъ понялъ Его и полюбилъ юный Антокольскій, не

могъ-бы настоящій еврей, погруженный въ софистику и мелочи талмуда, а лишь человѣкъ, проникнутый убѣжденно духомъ Христова ученія, тайный послѣдователь Христа, боящійся еще громко, всенародно объявить: «И я христіанинъ! И я былъ съ Нимъ!... Берите меня и ведите на распятіе»!...

Вслѣдъ за Христомъ и Грознымъ—Антокольскій далъ намъ Нестора, Ермака, Петра и Екатерину Великихъ...Русская исторія неумолимо притягивала его къ себѣ, разжигая воображеніе. А много-ли далъ покойный для иллюстраціи еврейства?!... Можно смѣло сказать, что только оторвавшись отъ еврейства, его прошлаго, его идеаловъ, пріобщившись къ русско-христіанскимъ міровоззрѣніямъ на жизнь, исторію, искусство—Антокольскій во всю ширь расправилъ крылья своего природнаго таланта, сталъ тѣмъ русскимъ художникомъ, котораго оплакиваемъ мы теперь... И не замѣчательно-ли, что всю жизнь потомъ влекло покойнаго или къ темамъ отвлеченнымъ, или къ дѣятелямъ русской исторіи, или къ вопросамъ христіанства—его, котораго евреи только-что прославляли, какъ упорнаго еврея?!... И что-же оставилъ онъ въ поученіе, въ наслѣдіе еврейству?—Распятаго евреями-же страдальца Христа, христіанку, мученицу во имя Христа, представителей русской государственной власти, покоющейся на христіанствѣ, философа, стоящаго выше дѣлъ и гешевтовъ текущей жизни, наконецъ, чудный надгробный обликъ дѣвушки—христіанки, для которой смерть открыла внезапно двери христіанскаго рая, которая вѣритъ и не вѣритъ еще счастью освобожденія отъ земныхъ оковъ?!... Да что-же—укажите мнѣ—было въ покойномъ, Антокольскомъ еврей-

скаго и что сдѣлалъ онъ, какъ художникъ, для еврейства?!...

Мнѣ скажутъ, что въ послѣдніе годы онъ вновь вернулся къ завѣтной темѣ юности, чтобы изобразить зажирѣвшаго инквизитора (христіанина), пришедшаго арестовать еврея и казнить его за религіозныя убѣжденія... Но вѣдь группа-то задумана не особнякомъ, а въ связи съ двумя другими группами, и вовсе не имѣетъ, поэтому, цѣли изобразить твердость страданія одного только еврейства. Нѣтъ, всѣ три группы служатъ лишь отвлеченной идеѣ—идеѣ человѣческаго страданія, идеѣ борьбы за свои завѣтныя убѣжденія... И вновь никто не докажетъ, что рѣзецъ Антокольскаго послужилъ бы даже въ будущемъ дѣлу еврейскаго фанатизма, еврейской нетерпимости, еврейской косности... Нѣтъ!... Онъ слишкомъ былъ проникнутъ духомъ христіанства, чтобы дойти до такого униженія искусства...

Вотъ почему, когда я прочелъ въ газетахъ о томъ, что евреи считаютъ «дѣйствительнаго статскаго совѣтника», «професора» Антокольскаго «своимъ», по взглядамъ, по замысламъ, по произведеніямъ его, по жизни—то невольно улыбнулся и сказалъ себѣ: «какая недостойная игра словъ, какая подтасовка фактовъ—или самообманъ!».

Однажды мы заговорили съ Антокольскимъ на тему объ еврействѣ и евреяхъ. Началъ разговоръ онъ самъ, а я сталъ доказывать ему, что нынѣшніе образованные евреи, въ сущности, совсѣмъ не евреи; что съ понятіемъ «настоящаго еврея» у всѣхъ, христіанъ и нехристіанъ, связано опредѣленное представленіе, неразрывное съ извѣстнымъ платьемъ, прическою, языкомъ, обычаями, привычками, взглядами, обособленностью и, нако-

нецъ, съ талмудомъ; что всѣ современные знаменитые художники, адвокаты, писатели, дѣятели изъ евреевъ совершенно и давно порвали духовную, національную связь со своимъ несчастнымъ нищимъ народомъ; что у меня были и есть друзья среди евреевъ, въ которыхъ я не нахожу почти ничего еврейскаго, кромѣ нѣкоторыхъ обрядностей, внѣшности и произношенія; что и его, Антокольскаго, я не причисляю къ евреямъ, а если не къ русскимъ, то къ европейцамъ... Антокольскій улыбался, но не возражалъ и мы перевели разговоръ на другую тему... Интересно бы знать, какъ думалъ и разсуждалъ онъ по этому вопросу?... А мнѣ хотѣлось еще сказать тогда ему, что почти всѣ великіе ученые, писатели, художники прошлаго—изъ евреевъ—стали великими, принесли пользу человѣчеству, лишь тогда, когда порвали связь съ еврействомъ и пріобщились, если не къ христіанской, то къ обще-европейской цивилизаціи и культурѣ...

Гробъ Антокольскаго окружала толпа, которая преимущественно состояла изъ евреевъ,—простого народа, ничего общаго съ покойнымъ не имѣвшаго и, по всей вѣроятности, даже мало о немъ при жизни слышавшаго,—толпа,которая не могла-бы понять его произведеній, проникнутыхъ христіански-русскимъ духомъ, а также кружокъ еврейской интеллигентіи, по образованію, привычкамъ и складу жизни ничего общаго съ сѣрой еврейской массою не имѣвшій... По идеаламъ покойный Антокольскій былъ чуждъ и массѣ сѣраго еврейства, и представителямъ еврейской интеллигенціи, но онъ былъ близокъ и дорогъ тѣмъ немногимъ русскимъ, которые пришли отдать послѣдній долгъ его праху.

И жаль, что не нашлось русскаго человѣка, который тутъ же, у гроба, сказалъ бы, что Антокольскій въ сущности не еврей, а нашъ русскій, христіанинъ, видѣвшій въ Россіи родину, а въ русскомъ народѣ—братьевъ по духу; что смерть его—большая потеря именно для насъ, русскихъ...

Съ чувствомъ горячимъ и дружескимъ обнялъ я въ послѣдній разъ Антокольскаго на виленскомъ вокзалѣ: онъ торопился въ Парижъ, оканчивать какую-то художественную работу. Какъ жаль, что не могъ я поклониться съ тѣмъ же чувствомъ его холодному праху!... Не вѣрится, что нѣтъ уже этого человѣка! Жизненныя драмы теперь далеки отъ него... Онъ должно быть счастливъ въ сіяніи вѣчнаго свѣта; душа его витаетъ у престола Божества, у ногъ Того Христа, котораго возлюбилъ онъ при жизни, которому беззавѣтно, открыто служилъ и своимъ талантомъ, и дѣлами добраго сердца, проникнутыми широкой христіанской моралью.

Жизнь и смерть Антокольскаго—поучительный урокъ современному еврейству: изъ гроба его точно раздается завѣтъ, что внѣ сліянія съ русскимъ обществомъ и народомъ, внѣ служенія идеаламъ русской исторіи и христіанства для современнаго русскаго интеллигентнаго еврея нѣтъ спасенія!... Жизнь покойнаго въ то же время—примѣръ желѣзной энергіи, честнаго труда и служенія родинѣ, обществу до послѣдней минуты, по мѣрѣ таланта и силъ.

Для Вильны-же дорогъ усопшій не только какъ уроженецъ города, но и какъ творецъ памятника Екатерины, который вскорѣ долженъ открыться. Въ виленскомъ музеѣ имѣется прекрасная работа—юношеское произведеніе Антокольскаго, насколько помню, чуть-ли не группа, изо-

бражающая Христа, терзаемаго передъ распятіемъ палачами (евреями). Вильну любилъ покойный и имя его внесено уже въ списки лучшихъ, достойныхъ, русскихъ гражданъ города.

Но почему хоронили его одни евреи, а не русскіе?! Тутъ очевидно какое-то недоразумѣніе...

А. Ж.

Въ защиту памяти М. М. Антокольскаго.

*(Письмо въ редакцію «Виленскаго Вѣстника» Г. М. Антокольскаго. *)*

Въ № 160 «Вил. Вѣстн.» за подписью А. Ж. напечатанъ фельетонъ посвященный памяти незабвеннаго скульптора М. М. Антокольскаго. Я не знаю насколько дѣйствительно авторъ этой статьи вправѣ претендовать на *«близкія отношенія»* къ усопшему М. М., но мы, члены его семьи, не меньше его очевидно можемъ гордиться близостью къ этому великому художнику и у насъ въ рукахъ имѣется громадный запасъ «человѣческихъ документовъ», неопровержимо доказывающихъ совершенную неосновательность характеристики, данной авторомъ фельетона нашему знаменитому родственнику и его произведеніямъ. Я уже не говорю о совершенномъ неприличіи, съ точки зрѣнія истинно христіанской морали, чуть ли не у отверстаго гроба только что почившаго художника поднимать чисто вѣроисповѣдные вопросы, касаться совершенно интимныхъ сторонъ его семейной жизни, употреблять въ бесѣдѣ о немъ такіе перлы, какъ «цивилизація выкурила изъ этого господина спецефическій ароматъ еврейства».

Я совершенно спокоенъ за память М. М. и убѣжденъ, что въ русскомъ интеллигентномъ и мыслящемъ обществѣ подобныя неприличныя выходки въ настоящій моментъ никакого сочувствія, никакого отклика не встрѣтятъ. Но что я считаю невозможнымъ оставить безъ отвѣта, это слѣдующее. Авторъ фельетона недоумѣваетъ, почему Антокольскаго хоронили евреи, а не русскіе, почему его хоронили въ С.-Петербургѣ, а не въ Вильнѣ, рядомъ съ его покойной матушкой, и позволяетъ себѣ довольно развязно утверждать, что евреи для Антокольскаго ничего не сдѣлали и что онъ является исключительно созданіемъ и достояніемъ русскихъ и Россіи.

---

*) «Виленск. Вѣстн.» 1902 г. № 166. Настоящее письмо, въ виду безпристрастія, перепечатывается съ сохраненіемъ его орѳографіи.

М. М. по рожденію былъ еврей, выросъ въ еврейской патріархальной семьѣ, до 20 лѣтъ никуда отъ этого семейнаго очага не отлучался, первую нравственную и матеріальную помощь получилъ отъ своихъ единовѣрцевъ, въ петербургскій періодъ своей жизни пользовался покровительствомъ евреевъ-меценатовъ, женился на еврейкѣ изъ своего роднаго г. Вильны, воспиталъ своихъ дочерей въ духѣ еврейской религіи, старшую дочь свою выдалъ замужъ за еврея Монтефіоре, внука знаменитаго англійскаго филантропа, всю свою жизнь съ большимъ уваженіемъ относился къ еврейскимъ традиціямъ и нравамъ, никогда не переставалъ черпать вдохновеніе изъ еврейской библейской и современной жизни и умеръ, окруженный своими друзьями-евреями, оплакиваемый дѣйствительно преимущественно своими единовѣрцами и похороненъ по обряду своей еврейской синагоги. Почему же его не хоронили русскіе, т. е. иначе говоря, я понимаю этотъ вопросъ А. Ж. такимъ образомъ: почему на его похоронахъ христіанскій элементъ нашего отечества былъ сравнительно мало представленъ. Г. А. Ж. повидимому на похоронахъ М. М. не былъ, а въ Вильнѣ не потрудился съѣздить на вокзалъ проводить прахъ своего «друга», но мы были въ Вильнѣ и можемъ засвидѣтельствовать, что всѣ лучшіе элементы виленскаго христіанскаго общества, съ почтеннымъ виленскимъ городскимъ головой во главѣ, были на лицо, а письма изъ С.-Петербурга и описанія похоронъ въ газетахъ свидѣтельствуютъ о томъ, что весь оффиціальный художественный міръ, а равно всѣ его искренніе друзья изъ христіанъ отдали послѣдній долгъ этому великому своему согражданину и достойному своему другу, почтили его память рѣчами на могилѣ, сочувственными статьями во всей русской періодической печати. Почему же его все-таки хоронили евреи, а не русскіе? Потому, г. А. Ж., что покойный былъ евреемъ и, слѣдовательно существомъ, надъ которымъ каждый публицистъ изъ Хитрова рынка вправѣ былъ безнаказанно изощрять свое остроуміе. Мало его унижали его соотечественники при жизни? Развѣ не такое къ нему отношеніе заставило его покинуть Россію и поселиться въ Парижѣ, развѣ не всякое появленіе новаго его произведенія было всегда, за немногими счастливыми исключеніями, встрѣчаемо цѣлымъ градомъ насмѣшекъ и хулы. Кто не помнитъ этихъ милыхъ выраженій

вродѣ: «Христосъ Антокольскаго изображаетъ еврея, связаннаго по рукамъ и представленнаго въ таможню за контрабанду» («Спб. Вѣд.» 1880 г. № 82). По поводу проекта памятника Пушкину его работы А. Суворинъ въ своихъ «очеркахъ и картинкахъ» (т. I стр. 133) изрекъ, «Пушкинъ представленъ евреемъ, который открылъ купальню и приставилъ мельника для сбора денегъ за входъ», а его безсмертнаго Мефистофеля г. А. Ж. даже сейчасъ называетъ «выкупавшимся евреемъ». Всю жизнь вы травили Антокольскаго, ежедневно напоминая ему его еврейское происхожденіе, въ его произведеніяхъ вы никогда больше ничего не видѣли, кромѣ презрѣнныхъ вамъ жалкихъ еврейчиковъ въ той или другой смѣшной позѣ, а теперь, когда онъ умеръ, когда онъ со свойственной ему энергіей лично отпора уже вамъ дать не можетъ, вы кощунствуете надъ его могилой и вопіете, что онъ вашъ и, что съ евреями, для которыхъ онъ всегда являлся народнымъ героемъ, національной гордостью, онъ ничего общаго не имѣетъ! Не къ намъ, евреямъ, давшимъ Россіи Антокольскаго, вамъ слѣдуетъ обращаться съ упреками и не «для современнаго еврейства жизнь и смерть Антокольскаго должны послужить поучительнымъ упрекомъ». Его могила дѣйствительно краснорѣчиво доказываетъ, какъ много русское общество и русская культура страдаютъ и теряютъ отъ косности, невѣжества и національной нетерпимости нѣкоторыхъ ея членовъ. Булгарины, Катковы и Буренины у насъ на Руси еще не перевелись и до тѣхъ поръ, пока вы дѣйствительно не послѣдуете истинно-христіанскому призыву на могилѣ Антокольскаго со стороны одного изъ лучшихъ его друзей С. И. Мамонтова не различать «ни эллина ни іудея», а преклоняться передъ всѣмъ великимъ и благороднымъ, въ какой бы то ни было націи, до тѣхъ поръ о желательномъ вамъ будто-бы сліяніи не можетъ быть и рѣчи. Антокольскіе всегда будутъ жить и умирать евреями, а ихъ единовѣрцы будутъ всегда гордиться ими и на ихъ могилахъ славить ихъ память за то, что они не измѣнили вѣрѣ отцевъ своихъ и традиціямъ своего племени.

Но, однако, г. А. Ж. впадаетъ въ непонятное противорѣчіе. Если, дѣйствительно, Антокольскій при жизни болѣе тяготѣлъ къ русскимъ, чѣмъ къ евреямъ, если онъ «вашъ русскій, христіанинъ, видѣвшій въ Россіи родину, а въ

русскомъ народѣ братьевъ по духу», то почему г. А. Ж. предпочитаетъ отвести мѣсто его могилѣ въ центрѣ еврейскаго гетто. Въ виду того, что Антокольскій умеръ вдали, какъ отъ родины, такъ и отъ мѣста постояннаго своего жительства, у его семьи естественно возникъ вопросъ, куда его везти, гдѣ его хоронить. На телеграфный запросъ, обращенный къ петербургскимъ его друзьямъ, послѣдовалъ единодушный отвѣтъ: «въ Петербургѣ». Я этихъ друзей понимаю. Антокольскій любилъ Россію, въ Россіи страдалъ, для Россіи трудился, Россію возвеличилъ и его прахъ долженъ покоиться въ Пантеонѣ русскихъ общественныхъ дѣятелей. Лучшіе сыны Россіи похоронены въ С.-Петербургѣ и Антокольскому среди нихъ должно быть отведено почетное мѣсто. Непосредственное родственное чувство и намъ тоже подсказывало желаніе видѣть его похороненнымъ въ родномъ его городѣ, среди родныхъ могилъ, рядомъ не съ «убогой и заурядной еврейкой», какъ г. А. Ж. ее характеризуетъ, а рядомъ съ его матерью, матерью великаго человѣка, женщиной, которую онъ нѣжно любилъ и мнѣніями которой онъ очень дорожилъ,—но такой человѣкъ, какъ Антокольскій, принадлежитъ не семьѣ, а государству. Жизнь его была служеніемъ своей родинѣ, могила его должна быть украшеніемъ ея столицы.

Является ли Антокольскій продуктомъ еврейской націи или же онъ могъ родиться и вырости только на почвѣ русской культуры? Что вышло бы изъ Антокольскаго, въ чемъ выразился бы его талантъ, если бы онъ родился въ наше время, во время усиленнаго ограниченія евреевъ въ правахъ, я не знаю. Счастливая его звѣзда привела его въ Петербургъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, въ эпоху расцвѣта либеральныхъ идей, онъ сразу попалъ въ кружокъ передовой интеллигентной молодежи, принявшей его съ распростертыми объятіями какъ равнаго, какъ товарища, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что болѣе сильные по образованію и по развитію товарищи повліяли на него въ томъ смыслѣ, что онъ очень скоро отрѣшился отъ узконаціональныхъ идеаловъ и очень скоро понялъ свои истинныя художественныя задачи.

Они, эти товарищи его, прежде всего научили его служить общей родинѣ, любить ея героевъ, увѣковѣчивать славныя дѣянія послѣднихъ, они же толкнули его на

путь разрѣшенія вѣчныхъ проблемъ общечеловѣческаго духа. Такимъ образомъ расцвѣтъ, и направленіе таланта Антокольскаго несомнѣнно находится въ зависимости отъ его друзей и учителей. Они расширили умственный кругозоръ этого выходца изъ еврейскаго гетто, они несомнѣнно повліяли на направленіе его мыслей. Но духъ его творчества, я утверждаю, былъ и остался національно-еврейскимъ. Рожденный въ еврейской семьѣ, воспитанный специфической еврейской нуждой и еврейской талмудической литературой, онъ на всю жизнь сохранилъ мрачную печать скептицизма, страданія, отчаянія при видѣ несовершенствъ дѣйствительной жизни и глубокой вѣры въ лучшую загробную жизнь. Отсюда его постоянное тяготѣніе къ отрицательнымъ типамъ, къ изображенію мрачныхъ сторонъ жизни, глубокое сочувствіе ко всему угнетенному, страдающему. Только у мальчика, проведшаго дѣтство и юность въ тѣсныхъ кварталахъ стариннаго города Вильны и близко соприкасавшагося съ самыми разнообразными сторонами голой, ничѣмъ не прикрашенной дѣйствительности, могъ такъ всесторонне развиться талантъ, чтобы возвыситься до глубокаго проникновенія такими противоположными типами, какъ «Ермакъ» и «Офелія», «Мефистофель» и «Христосъ», «Иванъ Грозный» и «Мученица-христіанка».

Въ заключеніе скажу, что, къ счастію, не всѣ русскіе люди думаютъ, какъ г. А. Ж. Отношеніе такихъ общественныхъ дѣятелей къ евреямъ, какъ Праховъ, Пироговъ, Кавелинъ, Мамонтовъ и другіе, никогда нами не забудется, а справедливое и высокогуманное отношеніе къ покойному М. М. Антокольскому со стороны патріарха русской художественной критики, Вл. Вас. Стасова заслужитъ ему вѣчную славу, оцѣнку же заслугъ г. А. Ж. предоставимъ сдѣлать нашему потомству.

Кандидатъ правъ

Г. М. Антокольскій.

Еще нѣсколько словъ въ защиту памяти М. М. Антокольскаго.

*Статья А. Ж. *)*

«Душевное искусство поднимается пропорціонально съ духомъ народа; только у испорченныхъ душъ нѣтъ идеала».
М. Антокольскій «Изъ автобіографіи».

Г. «кандидатъ правъ Г. М. Антокольскій», въ № 166 «Виленскаго Вѣстника» помѣстилъ письмо въ редакцію, яко-бы въ опроверженіе ложной, возмутительной замѣтки моей объ его извѣстномъ родственникѣ скульпторѣ М. М. Антокольскомъ. Насколько могъ понять я это письмо (кстати сказать, написанное съ явными отступленіями отъ обще-принятыхъ правилъ... построенія русской рѣчи), г. «кандидатъ правъ» считаетъ, что я чѣмъ-то оскорбилъ покойнаго, оклеветалъ его, родственниковъ и еврейскій народъ, и такъ какъ усопшій ходожникъ не можетъ уже, молъ, самъ, «со свойственной ему энергіей», дать мнѣ «личнаго» отпора, то онъ, г. «кандидатъ правъ», въ качествѣ «члена семьи», родственника (и, вѣроятно, адвоката «великаго художника»), поднимаетъ перчатку и бросается со мною въ бой за поруганную правду и «въ защиту памяти» дорогого родственника и т. п. Казалось-бы, какія похвальныя, благородныя чувства!...

---

*) «Виленскій Вѣстникъ» 1902 г., №№ 173, 174, 175.

Однако, прочтя письмо, я подумалъ невольно, что едва-ли покойный Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, человѣкъ безпристрастной правды, всегда уважавшій чужую личность, чужое мнѣніе, осторожный въ выраженіяхъ даже по отношенію къ врагамъ и недругамъ, не любившій непрошенныхъ заступниковъ,—едва-ли при жизни своей взялъ-бы онъ въ свои адвокаты именно г. «кандидата правъ» Г. М. Антокольскаго—съ его пріемами борьбы. Затѣмъ, пришло мнѣ на умъ, что надо имѣть крайне возбужденное, въ особомъ направленіи, работающее, воображеніе, чтобы въ скромной замѣткѣ моей, которая вся проникнута горячей любовью и уваженіемъ къ покойному Антокольскому, признаніемъ его художественныхъ и иныхъ заслугъ, въ соотвѣтственномъ, конечно, не-еврейскомъ масштабѣ, увидѣть, прочесть между строкъ какъ разъ обратное!...

Но дѣло тутъ, безъ сомнѣнія, не въ Антокольскомъ, не въ его произведеніяхъ, не въ вопросахъ чистаго искусства, даже не въ томъ, что я гласно осмѣлился не признать покойнаго Антокольскаго «геніемъ», «великимъ», «единственнымъ», послѣ такихъ колоссовъ искусства, какъ Рафаэль, Мурильо, Микель-Анжело, Тиціанъ и друг... Нѣтъ! Вся моя вина, очевидно, въ томъ, что я случайно, нехотя, задѣлъ извѣстную часть евреевъ: и вотъ поднимается печатный «гвалтъ», столь хорошо знакомый намъ, русскимъ, въ Сѣверо-Западномъ краѣ—гвалтъ, среди котораго рѣзко выдѣляется пока голосъ одного г. «кандидата правъ» Г. М. Антокольскаго...

Признаться, набрасывая еще мою первую замѣтку объ усопшемъ художникѣ, по просьбѣ редакціи «Виленскаго Вѣстника», я заранѣе ожи-

далъ отвѣтовъ съ искаженіемъ, обходомъ истины, съ замалчиваніями, бранью, намеками на мою личность, съ общими либеральными фразами и т. п. Все это съ избыткомъ и оказалось въ «письмѣ въ редакцію» г. «кандидата правъ». Но, конечно, это только начало: главная ругань ждетъ еще меня впереди, когда за «обработку» особаго мнѣнія моего о покойномъ Антокольскомъ, возьмутся спеціалисты по части полемики и защиты еврейскаго народа... Впрочемъ и г. «кандидатъ правъ», въ порывѣ родственнаго огорченія и негодованія, самъ дошелъ уже до того, что «оцѣнку» личныхъ моихъ «заслугъ» великодушно предоставляетъ «сдѣлать нашему потомству»... Подумаешь, какой ужасъ!!... И спрашивается, прежде всего, знакомъ-ли г. «кандидатъ правъ», хотя-бы поверхностно, съ моими личными заслугами и не дерзость-ли съ его стороны—распоряжаться такъ безцеремонно чужимъ добромъ?!... Наконецъ, кого подразумѣваетъ авторъ «письма въ редакцію» подъ громкой фразою «наше потомство»?!... Если—«потомство евреевъ», изъ числа тѣхъ, которые повѣрятъ на́слово г. «кандидату правъ», то я совершенно равнодушенъ къ подобному суду, такъ какъ по многимъ фактамъ прошлаго знаю, что судъ этотъ и въ будущемъ всегда явится одностороннимъ, пристрастнымъ... Если-же мнѣ грозятъ судомъ «потомства русскихъ», то не слишкомъ-ли храбро со стороны г. «кандидата правъ», еврея, ручаться за то, что́ именно скажутъ со временемъ обо мнѣ, русскомѣ дѣятелѣ и писателѣ, русскіе-же люди!... И не лучше-ли оставить въ покоѣ чужія заслуги, ихъ будущую судьбу, позаботившись о собственныхъ своихъ поступкахъ?!...

Но перехожу къ содержанію «письма въ ре-

дакцію», начавъ замѣтку мою вопросомъ: не стыдно-ли прежде всего г. «кандидату правъ», т. е. юристу, очевидно, прошедшему курсъ въ русскомъ, высшемъ учебномъ заведеніи, искажать чужія слова и смыслъ того документа, который имъ цитируется—въ данномъ случаѣ печатной замѣтки моей объ Антокольскомъ?!... Я *требую*, чтобы г. «кандидатъ правъ» указалъ мнѣ тѣ именно мѣста статьи моей, въ которыхъ я—по его увѣренію—говорю о «близкихъ отношеніяхъ» моихъ къ усопшему, о «дружбѣ» моей съ нимъ!... Слова эти въ письмѣ г. «кандидата правъ» заключены въ кавычки т. е., по правиламъ русскаго правописанія, цѣликомъ приписываются мнѣ. Или для полемики всякое средство дѣйствительно?!—Въ замѣткѣ моей сказано просто «я зналъ лично Антокольскаго», но ни о какой «дружбѣ», ни о какихъ «близкихъ отношеніяхъ» моихъ съ покойнымъ ни слова не говорится... Быть можетъ г. «кандидатъ правъ» смѣшалъ понятія «дружеское чувство», о которомъ упомянуто въ одномъ мѣстѣ, съ понятіемъ «дружбы», понятія «знакомство» и «близкія отношенія»?!... Не знаю!... Во всякомъ случаѣ, подобное смѣшеніе, извинительное человѣку безъ образованія, по меньшей мѣрѣ должно быть принято за... неосторожное со стороны человѣка съ высшимъ образованіемъ, юриста, обращающагося съ законами... Ну, а если допустить, что слова «дружба», «близкія отношенія» приписаны мнѣ, поставлены въ кавычки, не по недоразумѣнію, а, нарочно, для вящшаго эффекта и усугубленія моихъ воображаемыхъ, тяжкихъ преступленій по отношенію къ еврейству, то какимъ литературно-юридическимъ терминомъ долженъ быть окрещенъ подобный поступокъ?!...

Но, будучи поражонъ «неосторожными» способами борьбы автора «письма въ редакцію», я въ то же время очень и очень благодаренъ ему за нѣсколько неожиданныхъ, великихъ открытій, сдѣланныхъ имъ — открытій, съ которыми поспѣшилъ онъ такъ великодушно ознакомить русское общество въ русской-же газетѣ. Это— такіе «перлы» (употребляю выраженіе автора, допущенное имъ по отношенію ко мнѣ), что, натолкнувшись на нихъ, я сперва окаменѣлъ отъ изумленія и негодованія, а затѣмъ смѣялся долго и неудержимо... Даже теперь, когда стараюсь я совершенно спокойно, объективно пробѣжать еще разъ пылкія строки родственнаго опроверженія, которое повидимому задалось цѣлью уничтожить меня, заклеймить меня, мою дѣятельность не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ (подумайте только—«оцѣнка нашего потомства»!)—я не могу удержаться отъ невольной улыбки... Да проститъ мнѣ признаніе это авторъ «письма въ редакцію»!..

Впервые узналъ я изъ письма г. «кандидата правъ» Г. М. Антокольскаго слѣдующее: что, напримѣръ, Вильна—«центръ еврейскаго гетто» (а до сихъ поръ я, со всѣми русскими, наивно думалъ, что Вильна – большой *русскій* городъ, бывшая историческая столица Литвы, одинъ изъ крупныхъ центровъ русской государственной власти, русской умственной, русской духовной жизни).— Какъ-бы въ подтвержденіе сдѣланнаго имъ открытія, авторъ письма называетъ своего знаменитаго родственника, защищать котораго взялся, «этотъ выходецъ изъ еврейскаго гетто». (Не поздоровилось-бы при жизни покойному отъ такихъ нѣжныхъ родственныхъ кличекъ, да и въ гробу можно отъ нихъ перевернуться!) Далѣе, изъ того-же

«человѣческаго документа»—цитируемаго письма—узнали мы впервые, что нашъ почтенный В. В. Стасовъ—«патріархъ русской художественной критики» (!); что въ Россіи существуетъ «оффиціальный художественный міръ» (вѣроятно, въ отличіе отъ неоффиціальнаго художественнаго міра); что покойнаго Антокольскаго слѣдуетъ считать исключительно созданіемъ евреевъ, продуктомъ еврейской среды и евреемъ, между прочимъ, потому, что онъ выдалъ дочь свою за еврея Монтефіоре, «внука знаменитаго англійскаго филантропа» (удивительное доказательство еврейства!); что онъ, Антокольскій, «никогда не переставалъ черпать вдохновеніе изъ еврейской современной жизни» (хотѣлось-бы мнѣ взглянуть на плоды подобныхъ вдохновеній!); что «Антокольскій Россію возвеличилъ» (кланяйся, матушка—Русь, въ поясъ г. «кандидату правъ» Г. М. Антокольскому и благодари его за такое великодушное открытіе! А ты-то до сихъ поръ думала, «въ наготѣ твоей смиренной», что тебя возвеличивали русскіе государственные люди, русскіе ученые, писатели, художники—возвеличивали постепенно, путемъ совмѣстной, упорной, много-вѣковой культурной работы!); что прахъ Антокольскаго потому былъ перевезенъ въ Петербургъ, что онъ «долженъ покоиться въ Пантеонѣ русскихъ общественныхъ дѣятелей и быть «украшеніемъ столицы». (До сихъ поръ—признаюсь—я недогадывался, что общее еврейское кладбище въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга есть въ то-же время и «Пантеонъ русскихъ общественныхъ дѣятелей», а вѣровалъ наивно, что русскіе общественные дѣятели, возвеличившіе Россію, покоятся и на православныхъ, а также иныхъ христіанскихъ кладбищахъ Петербурга,

Москвы, Кіева и другихъ городовъ необъятнаго отечества, иные же и за границей); что «лучшіе сыны Россіи похоронены «именно» въ С.-Петербургѣ» (какое, подумаешь, незнаніе Россіи, исторіи ея и ея лучшихъ сыновъ, а также мѣстъ ихъ упокоенія, какое искаженіе истины, каковъ, наконецъ, апломбъ!); что «евреи дали Россіи Антокольскаго» (а ранѣе они-же кощунственно говорили, да и теперь говорятъ христіанамъ—«мы дадали вамъ Христа»—какъ будто-бы между еврействомъ и Христомъ не лежитъ цѣлая бездна, какъ будто-бы Христосъ не порвалъ связи съ еврействомъ и не евреи убили Его за то, что Онъ открыто указывалъ на эту бездну, зовя человѣчество изъ тьмы еврейства въ иной, лучшій свѣтлый міръ!); что Антокольскій «народный герой» евреевъ, ихъ «національная гордость» (охъ!); что въ Россіи существуетъ особая порода писателей—именно «публицисты изъ Хитрова рынка» («публицисты *изъ* рынка»—чисто еврейскій, не русскій оборотъ рѣчи. И признаться, будучи много лѣтъ русскимъ писателемъ, живя въ столицахъ, я съ такими публицистами не встрѣчался, почему вѣрю г. «кандидату правъ» на̀—слово, какъ человѣку, видимо близко съ ними знакомому); что мать Антокольскаго, родивъ своего извѣстнаго сына, «великаго человѣка» ,тѣмъ самымъ перестала быть убогой, заурядною еврейкой! (Вотъ такъ превращеніе!—Ну, а чѣмъ же она была хотя-бы до его рожденія?); что Антокольскій сбѣжалъ въ Парижъ отъ русскихъ, отъ непониманія ими, осмѣиванія его таланта (какъ будто-бы не тѣ-же русскіе дѣлали ему въ Парижѣ заказы и не на ихъ преимущественно средства скопилъ онъ свое огромное состояніе! Какое искаженіе истины и развязный

поклепъ на русское общество!); что Антокольскаго евреи похоронили по обряду «своей еврейской синагоги» (а между тѣмъ во всѣхъ газетахъ евреями же было подчеркнуто, что самый фактъ внесенія мертвеца въ синагогу являлся уже рѣзкимъ отступленіемъ отъ «обрядовъ синагоги»); что на Антокольскаго, его талантъ имѣли вліяніе «либеральныя идеи» начала шестидесятыхъ годовъ, въ «разцвѣтъ» которыхъ пріѣхалъ онъ въ С.-Петербургъ (тогда, какъ болѣе консервативнаго въ своихъ произведеніяхъ и убѣжденіяхъ художника, какимъ былъ Антокольскій, трудно найти на свѣтѣ!).....

Но на этихъ выдержкахъ изъ «письма въ редакцію», на этихъ курьезахъ и перлахъ я пока остановлюсь... Читатели «Виленскаго Вѣстника», вѣроятно, оцѣнили уже по достоинству литературное произведеніе г. «кандидата правъ» и, не забывъ еще замѣтки моей объ Антокольскомъ, сами вывели заключеніе о томъ, насколько замѣтка эта вызвала рядъ тѣхъ неожиданныхъ открытій, искаженій смысла моихъ словъ и самихъ словъ авторомъ «письма въ редакцію», кто изъ насъ правъ—я или онъ.—Мнѣ только хочется дать небольшой урокъ г. Г. М. Антокольскому—урокъ осторожнаго обращенія съ печатнымъ словомъ вообще и необходимости основательнаго знакомства съ тѣмъ предметомъ, о которомъ онъ взялся разсуждать—въ частности: самъ-же онъ, къ сожалѣнію, вызываетъ меня на это манерою, тономъ своего возраженія...

Итакъ, приступаю...

Вотъ главные выводы автора «письма въ редакцію»: 1) покойный художникъ М. М. Антокольскій «первую нравственную и матеріальную

помощь получилъ отъ своихъ единовѣрцевъ, которые всегда его цѣнили, любили и поддерживали», а «въ петербургскій періодъ своей жизни пользовался покровительствомъ евреевъ-меценатовъ»; 2) что, наоборотъ, мы, русскіе, «*всю жизнь травили* Антокольскаго, *ежедневно* напоминая ему его еврейское происхожденіе; въ его произведеніяхъ мы *никогда больше ничего не видѣли*, кромѣ *презрѣнныхъ намъ* жалкихъ еврейчиковъ въ той или другой смѣшной позѣ, а теперь, когда онъ умеръ, когда онъ со свойственной ему энергіей лично отпора уже дать намъ, русскимъ, не можетъ», мы «безнаказанно кощунствуемъ надъ его могилою и вопіемъ, что онъ нашъ, христіанинъ, что съ евреями ничего не имѣетъ общаго»; 3) что Антокольскій по жизни, духу, убѣжденіямъ до конца упрямо оставался убѣжденнымъ, настоящимъ евреемъ, такъ сказать, представителемъ, выразителемъ духа еврейства.

Правда, въ томъ же письмѣ, неоднократно, хотя вскользь, между прочимъ, упоминаются и русскіе люди, помогшіе бывшему Мордуху Антокольскому изъ мрака и зловонія «еврейскаго гетто» пробиться на свободу и ширь искусства, даже называются нѣкоторые изъ нихъ—Стасовъ, Праховъ, Пироговъ, Кавелинъ... Но развѣ можно перечесть всѣ самопротиворѣчія автора «письма въ редакцію»!... Читаешь ихъ, эти противорѣчія, и невольно недоумѣваешь, для какой публики все это напечатано? Или разсчитывалось на то, что русскіе читатели русской газеты слишкомъ довѣрчивы, наивны, не сумѣютъ отличить черное отъ бѣлаго, золото отъ мишуры и поддѣлки... Напрасно!

Пусть-же самъ уважаемый и любимый мною художникъ — Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій—

гордость не однихъ евреевъ, но и русскихъ, дастъ должный урокъ своему зарвавшемуся родственнику, г. «кандидату правъ»—въ смыслѣ осторожнаго обращенія съ истиною!... Для этого я сошлюсь только на автобіографію покойнаго Антокольскаго, имъ самимъ написанную и за полной подписью напечатанную на страницахъ такого серьезнаго журнала, какъ «Вѣстникъ Европы» (сентябрь—октябрь 1887 г.). Со времени выхода этой замѣчательной автобіографіи, этого безспорнаго «человѣческаго документа», я не имѣлъ случая еще разъ пробѣжать статью. Теперь, по прочтеніи «письма въ редакцію», мнѣ захотѣлось отдохнуть душою на страницахъ, исполненныхъ удивительнаго благородства, чистоты, трезвости мысли и чувства, истинно-христіанскаго отношенія къ людямъ, будутъ-ли то враги или друзья,— на страницахъ, украшенныхъ философскими выводами, мастерски набросанными сценами и типами недавняго прошлаго... Со слезами умиленія перечелъ я вновь эту «исповѣдь», чтобы воскресить въ благодарной памяти образъ дорогого мнѣ человѣка, передъ нѣкоторыми произведеніями котораго пережилъ я столько незабвенныхъ, святыхъ мгновеній моей жизни... Какое счастье для человѣчества, для искусства, для торжества правды, что Антокольскій при жизни еще напечаталъ свою автобіографію, и съ какимъ негодованіемъ должны будутъ перечитать ее тѣ евреи, которые, пользуясь смертью художника, насильственно пытаются закабалить его исключительно въ среду еврейства!... Осужденіемъ еврейства, въ его массѣ, вѣетъ отъ вдохновенныхъ страницъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ преклоненіемъ передъ христіанскими идеалами, передъ идеаломъ русскаго самодержавія,

русской народности... Многія страницы сдѣлали-бы честь христіанину. И какъ легко было-бы Антокольскому, на верху славы и довольства, *сочинить* свою автобіографію, хотя-бы для угожденія единовѣрцамъ, бросить хотя-бы пару словъ въ защиту той среды, изъ которой онъ побѣдоносно вышелъ... Но для него было гадко и преступно лгать! Подъ вліяніемъ художественной правды украсилъ онъ свою автобіографію нѣсколькими портретами евреевъ: какіе все это отрицательные, хищническіе типы!... И пока жилъ Антокольскій— никто не опровергалъ фактовъ, легшихъ въ основаніе его мемуаровъ. Значитъ, сами евреи признавали факты эти безспорными...

Итакъ, г. «кандидатъ правъ» Г. М. Антокольскій, послушайте, что станетъ говорить вамъ, какъ-бы изъ гроба, вашъ-же знаменитый родственникъ!

«Жизнь дома не удовлетворяла меня» писалъ откровенно Маркъ Матвѣевичъ въ своей автобіографіи: «Моею завѣтною мечтою было ѣхать куда-нибудь учиться. *Родители мои и слышать объ этомъ не хотѣли. Мечты они называли «бредомъ»*, который нужно изъ головы вонъ выкинуть. Они хотѣли видѣть своего сына во-время пристроеннымъ, осѣдлымъ, какъ Богъ и добрые люди велятъ» (т. е., прибавимъ, пояснимъ мы отъ себя, какъ велятъ талмудъ, религія и обычаи евреевъ, еврейское общество). Далѣе Антокольскій пишетъ: «Зачѣмъ тебѣ тратить свое здоровье и молодость»? говорили они (родители): «и ѣхать—куда? на край свѣта! Здѣсь тебя всѣ знаютъ, у тебя золотыя руки, легко можешь заработать свой кусокъ хлѣба... а тамъ Богъ еще знаетъ, что будетъ»?— Какой горькой ироніей, какимъ служеніемъ Ма-

мону звучатъ эти немногія строки!.. И вотъ, словно для того, чтобы поскорѣй уйти отъ мрачныхъ картинъ дѣтства и жизни у родителей, отъ вышеприведенныхъ поученій житейской мудрости заурядпаго еврейства, спѣшитъ художникъ заговорить объ одномъ русскомъ, дорогомъ человѣкѣ, какомъ-то «идеалистѣ-землемѣрѣ», который, называя толпу, жившую вышеприведенными идеалами семьи Антокольскаго, «стадомъ барановъ», настойчиво говорилъ талантливому юношѣ объ иной жизни—о жизни во имя вѣчныхъ идеаловъ, на пользу общую, шептавъ ему упрямо: «бѣги отсюда, бѣги въ храмъ искусства»! (иными словами—«бѣги изъ Вильны, изъ родного дома, отъ еврейской массы, которая постепенно убьетъ твое природное дарованіе!»).

И юный Антокольскій вырвался, бѣжалъ, наконецъ, изъ этой среды, отъ своихъ родителей, отъ родныхъ и знакомыхъ евреевъ. «Не стану разсказывать тебѣ, любезный другъ», пишетъ онъ, тепло обращаясь къ какому-то неизвѣстному, очевидно, близкому человѣку; *что мнѣ пришлось перенести, пока удалось уѣхать въ Петербургъ.*

Прошли годы и наконецъ я ѣхалъ! Я былъ въ небесахъ, наверху блаженства и трогательно прощался съ моимъ идеалистомъ-землемѣромъ»... Не правда-ли, какой вздохъ облегченія слышится въ этихъ искреннихъ признаніяхъ!.. Какія страданія до отъѣзда долженъ былъ перенести въ семьѣ своей, отъ евреевъ, талантливый юноша, если разлука съ близкими показалась ему высшимъ счастьемъ, если, вырвавшись, послѣ, очевидно, ужасной, упорной борьбы и страданій изъ «еврейскаго гетто» г. Вильны, онъ увозилъ съ собой въ столицу, по его признанію, только благодарное воспоминаніе

объ «идеалистѣ-землемѣрѣ», русскомъ, незамѣтномъ дѣятелѣ, хотя и не вполнѣ безукоризненномъ въ нравственномъ отношеніи, но заронившемъ въ душу его доброе сѣмя—любви къ искусству, да сознаніе дорогой свободы!!.

Но съ какими-же матеріальными средствами бѣжалъ, вырвался изъ дома родителей, отъ виленскихъ евреевъ бѣдный Антокольскій?—«Весь капиталъ» его, какъ о томъ откровенно говоритъ самъ художникъ, состоялъ изъ 48 рублей (и хорошо извѣстно, пояснимъ мы, что деньги эти были имъ получены отъ русскихъ а не отъ евреевъ). «Но скоро», добавляетъ Антокольскій: «деньги эти исчезли и въ первый разъ мнѣ пришлось поститься не во̀-время» (т. е. попросту голодать).

«Свѣтъ не безъ добрыхъ людей» спѣшитъ однако загладить художника мрачное впечатлѣніе, которое могъ оставить въ «другѣ», разсказъ о томъ, каково жилось ему нравственно въ «еврейскомъ гетто» города Вильны, какъ и чьей помощью вырвался онъ съ родины: «Правда» замѣчаетъ онъ, «много пришлось мнѣ пережить, *но безъ этихъ добрыхъ людей я—бы совсемъ не пережилъ. Первой среди нихъ была* жена бывшаго виленскаго губернатора *А. А. Назимова.* Ея доброе, мягкое, *материнское* отношеніе ко мнѣ, ея ласковый взглядъ *вдунули въ меня жизнь и я ожилъ ибо до нея ко мнѣ никто никогда ласково не относился. Но о моемъ дѣтствѣ и отрочествѣ—въ другой разъ.—«То была истинная христіанка»*. И такъ, значитъ, по признанію Антокольскаго, до встрѣчи его съ г-жей Назимовой, истинно-русской женщиной и христіанкою, никто изъ евреевъ никогда ласково не относился къ бѣдному ребенку и юношѣ. Слышите-ли вы это, г. «кандидатъ правъ» Г. М. Антокольскій?!. А гдѣ-же

до встрѣчи съ Назимовой были родители, родственники, еврейскіе «меценаты» г. Вильны?— *Материнская* ласка Назимовой была *первымъ* теплымъ, радостнымъ лучемъ,—лучемъ любви, состраданія и пониманія, упавшемъ на мечтательную, талантливую головку юнаго еврейчика Мордуха Антокольскаго. И упалъ онъ—этотъ лучъ—не изъ среды еврейства, не отъ родныхъ и близкихъ Антокольскаго, а изъ глубины души русской, просвѣщенной женщины, истинной христіанки... Но отчего не захотѣлъ Маркъ Матвѣевичъ смущать душу «друга» картинами дѣтства и отрочества—очевидно ужасными, несогрѣтыми лаской и любовью семейнаго очага?!. Какими средствами пытались насильственно удержать его въ Вильнѣ, въ еврействѣ?!. Не отвѣтитъ-ли намъ на это г. «кандидатъ правъ» Антокольскій» въ качествѣ родственника и защитника усопшаго?!. Не сохранились-ли, наконецъ, воспоминанія художника объ его дѣтствѣ и отрочествѣ?! Воображаю, какими кровавыми слезами они написаны... Но бѣдный, бѣдный юноша—еврей! Какъ понятны мнѣ, христіанину и писателю, твои страданія...

Нечего распространяться что благотворное вліяніе просвѣщенной христіанки, среди холода и непониманія виленскаго еврейскаго общества того времени, заставило талантливаго, чуткаго и изстрадавшагося Мордуха Антокольскаго впервые вдуматься въ сущность христіанства, проповѣдующаго столь святую, чистую, безразличную любовь ко всѣмъ, въ томъ числѣ и къ евреямъ—христіанства, создающаго типы, подобные личности г-жи Назимовой. Не могъ не вникнуть онъ и въ личность Христа, въ Его подвижническую жизнь, въ Его страданія «за грѣхи людей» и смерть. Два

міра—еврейскій и христіанскій, другъ друга исключающіе, ясно обрисовались въ пробужденной душѣ незауряднаго юноши. И все это немедленно-же отразилось на его произведеніяхъ... «Первой моей работою на поприщѣ искусства», разсказываетъ художникъ: «были двѣ копіи—головы Христа и Божіей Матери».—Другими словами, подъ благотворнымъ вліяніемъ русской, вѣрующей женщины, вдохновили Антокольскаго не библейскіе мотивы, не сцены изъ современной ему жизни еврейства, а Бого-человѣкъ, распятый евреями за свои убѣжденія, и Мать Его, любящее сердце Которой было разбито, надорвано несправедливой, звѣрской казнью сына, испрошенной тѣми-же евреями, нетерпѣвшими правды...

Работы юнаго художника еще болѣе заинтересовали Назимову: она помогла ему вырваться изъ Вильны, снабдила деньгами на дорогу въ Петербургъ и рекомендательнымъ письмомъ къ какой-то баронессѣ Э.—Въ свою очередь, послѣдняя дала Антокольскому письмо къ знаменитому русскому профессору Пименову... И вотъ, съ помощью этихъ и другихъ русскихъ людей, принимавшихъ въ Вильнѣ горячее участіе въ спасеніи таланта Антокольскаго, вопреки желаніямъ родныхъ, евреевъ, попадаетъ онъ въ храмъ искусства—въ русскую академію художествъ. Съ какимъ восторгомъ говоритъ онъ объ этомъ событіи!—Здѣсь впервые знакомится художникъ и дружится съ русскимъ ученикомъ академіи—И. Е. Рѣпинымъ, впослѣдствіи знаменитымъ профессоромъ, оказавшимъ на него большое вліяніе. «Мы скоро сблизились», повѣствуетъ Антокольскій: «какъ могутъ сблизиться только *одинокіе люди* на чужбинѣ».

Съ легкой руки Рѣпина Антокольскому, судя

по его мемуарамъ, всегда везло затѣмъ на русскихъ «добрыхъ людей» во время пребыванія его въ Петербургѣ: при каждомъ удобномъ случаѣ, старается онъ подчеркнуть, что въ самыя трудныя, критическія минуты жизни его, къ нему неизмѣнно приходили на помощь русскіе, русскіе и русскіе... А въ чемъ-же заключалась помощь родныхъ евреевъ, еврейскихъ меценатовъ?!. Антокольскій, въ автобіографіи своей, не забываетъ, конечно, и евреевъ. Но, право, лучше было бы для еврейства, если-бы онъ совсѣмъ не вспоминалъ о нихъ!—Успѣхъ юноши, выразившійся въ фактѣ поступленія его въ академію художествъ, льстившій родительскому самолюбію и указывавшій на возможность заработка—смягчилъ, повидимому, сердца родныхъ (ниже мы, однако, убѣдимся, насколько глубоко и искренно было это смягченіе!).

«Изъ дому я получалъ хорошія письма», разсказываетъ добродушно Антокольскій: «всѣ за меня радовались, поздравляли, желали всего лучшаго. Родители *даже* прислали мнѣ корзину всякаго добра: тамъ я нашелъ жирный пирогъ, дюжину яблокъ, десятокъ селедокъ, полъ-дюжины рубашекъ, двѣ бутылки рому, вязаный шарфъ на шею, да еще нѣсколько рублей денегъ»! Не правда-ли, какой грустной ироніей звучитъ отъ этого знаменательнаго «даже»!—И далѣе художникъ спѣшитъ пояснить «другу»: «Жаль только, что яблоки испортились въ дорогѣ, пирогъ пахнулъ селедками, а селедокъ я не могъ ѣсть—негдѣ было ихъ держать».—«Все-таки я очень *былъ радъ подаркамъ: они были первою помощью, которую родители подали мнѣ на чужбинѣ.* Однимъ словомъ, я былъ доволенъ и счастливъ». Но съ какимъ разочарованіемъ долженъ былъ глядѣть полу-голодный нищій

—еврей на «вязаный шарфъ на шею» въ то время, когда—какъ это видно изъ дальнѣйшихъ его воспоминаній—въ эту пору (и позднѣе) у него не было пальто, и въ зимнія петербургскія стужи онъ жалко кутался въ плэдъ, прозванный имъ въ шутку «историческимъ». Правда, согрѣваемый внутреннимъ огнемъ любви къ искусству и счастьемъ—работать въ академіи—бѣднякъ не замѣчалъ порою матеріальныхъ невзгодъ своего положенія. А между тѣмъ эти невзгоды, несомнѣнно, положили начало той болѣзни, которая свела впослѣдствіи художника въ могилу.

Но вотъ наступили первые каникулы и Антокольскаго, гордящагося званіемъ ученика академіи, съ задоромъ глядящаго на остальное человѣчество и вспомнившаго рѣдкую свѣтлую страницу его дѣтства—дни еврейской Пасхи—потянуло на родину, въ Вильну,—на показъ единовѣрцамъ. Въ домѣ родителей встрѣтили юнаго художника радушно. Всѣмъ было интересно взглянуть на «пріѣзжаго, какъ на жениха».—«Но не одни мальчуганы любопытствовали», сообщаетъ Маркъ Матвѣевичъ: «были люди *важные, богатые, которыхъ я заинтересовалъ*; меня хотѣли видѣть, хотѣли знать, на что я сталъ похожъ, каковъ я въ самомъ дѣлѣ»?—И тутъ же, точно для того, чтобы другъ-читатель не истолковалъ-бы себѣ превратно сказанное и не подумалъ-бы, что изъ всего этого гвалта тогдашней виленской интеллигенціи вышелъ для него, Антокольскаго, какой-либо практическій толкъ, спѣшитъ онъ дорисовать веселую, радостную картину прошлаго: «Къ одному изъ этихъ «*важныхъ*»(ковычки покойнаго) я былъ приглашенъ спустя нѣсколько дней», разсказываетъ художникъ: «*Онъ принялъ меня съ насмѣшливымъ лю-*

бопытствомъ» и спросилъ, что я *тамъ* дѣлаю (т. е. въ академіи). Фигурки рѣжете? Кто же ихъ покупаетъ?—На что, *другой такой-же «важный»* (снова ковычки Антокольскаго) отвѣчалъ за меня: мало-ли есть *сумасшедшихъ* на свѣтѣ»!—Не правда-ли, прекрасная, поучительная, неподражаемая сценка съ натуры изъ еврейскаго быта?!... Я такъ и вижу этихъ двухъ богатыхъ, важныхъ, зажирѣвшихъ самодовольныхъ виленскихъ евреевъ, «меценатовъ», нарочно пригласившихъ къ себѣ талантливаго единовѣрца-бѣдняка и съ высоты своихъ мѣшковъ, набитыхъ золотомъ, издѣвающихся надъ его нуждой, надъ его завѣтными мечтами... Хорошо было-бы знать фамиліи этихъ благородныхъ рыцарей наживы!.. Не поможетъ-ли намъ въ томъ г. «кандидатъ правъ», авторъ «письма въ редакцію»?...

Неудивительно, что послѣ подобныхъ встрѣчъ и глумленія, вновь потянуло Антокольскаго изъ еврейской среды, изъ круга близкихъ и родныхъ, въ которомъ онъ видимо задыхался, въ иныя умственныя, духовныя сферы, и онъ упоминаетъ, какъ горячо хотѣлось ему въ этотъ пріѣздъ свой на родину повидаться съ «идеалистомъ-землемѣромъ». Къ огорченію его, землемѣръ пропалъ, «какъ въ воду канулъ». Тогда-то ушелъ онъ съ головою въ новыя, художественныя работы, въ свои мечты... Впрочемъ, и тутъ, по его признанію, евреи отравляли покой его, съ любопытствомъ врываясь въ убогую келью молодого идеалиста. «Нечего говорить», повѣствуетъ Антокольскій: о томъ, что отецъ мой гордился мною: я былъ «у всѣхъ на виду! Родные посѣщали мою маленькую мастерскую и восхищались моей работой, за исключеніемъ одного *почтеннаго старца* (родствен-

ника), который однажды, внимательно осмотрѣвъ все, пресерьезно замѣтилъ: конечно, на то инструменты! Отецъ сконфузился, а вѣдь думалъ удивить мною». Воображаю, какое благотворное впечатлѣніе на Антокольскаго произвелъ этотъ визитъ «почтеннаго старца», милаго философа-родственника, если черезъ много лѣтъ художникъ не забылъ его въ своихъ воспоминаніяхъ... И снова какая враждебность, какое непониманіе, какое безсердечіе со стороны еврея!...

Съ каникулъ въ Петербургъ привезъ Антокольскій и выставилъ для публики «стараго портного-еврея, высовывающагося изъ окна, чтобы вдѣть нитку въ иголку». По словамъ его, онъ не можетъ объяснить, какимъ образомъ подобная тема могла у него зародиться. Но въ Вильнѣ евреи не оцѣнили этой работы, такъ какъ художникъ поясняетъ: «*Первый, кто ее замѣтилъ, это былъ В. В. Стасовъ*; своимъ горячимъ (печатнымъ) отзывомъ онъ заставилъ многихъ обратить на меня вниманіе». Значитъ, снова русскій человѣкъ понялъ юнаго талантливаго еврея, протянулъ ему безпристрастно руку помощи—при полномъ равнодушіи всего еврейскаго общества, и Вильны, и Петербурга!... Печатный отзывъ Стасова обратилъ, конечно, вниманіе на оригинальную работу самоучки и ее купилъ за 100 руб. какой-то «меценатъ» (русскій или еврей, къ сожалѣнію, не упоминается въ автобіографіи).

«Нечего говорить», признается Антокольскій: «Что сто рублей очень скоро вышли; обыкновенный-же мой доходъ состоялъ *изъ десяти рублей въ мѣсяцъ*. Это были незаработанные, десять рублей, незаслуженные, а *стипендія*». Далѣе, мы узнаемъ, что жалкую стипендію эту, а затѣмъ добав-

леніе къ ней въ 8 рублей ежемѣсячно, назначилъ нѣкто Г. Но Антокольскій, со вздохомъ былого горя и обидъ спѣшитъ, во имя безпристрастія, пояснить про получившіяся отъ Г. деньги: «*Не легко было ихъ достать и не сладко ихъ было брать!*». Интересно было-бы установить, кто былъ этотъ щедрый «меценатъ», о деньгахъ котораго съ такой горечью и упрекомъ вспоминалъ на старости лѣтъ Антокольскій,—русскій или еврей, чужой или родственникъ?!... Не можетъ-ли также объяснить это намъ г. «кандидатъ правъ», повидимому, въ качествѣ родственника, столь хорошо знакомый съ прошлымъ художника?!...

Куда-же шла въ Петербургѣ жалкая субсидія, которую нелегко было вырвать и оскорбительно, больно получить? Шесть рублей платились за квартиру, рубль шелъ на классные расходы; «а на остальное живи, какъ знаешь, да еще и слоновую кость покупай, и пальмовое дерево, и проч.», перечисляетъ Антокольскій въ своихъ воспоминаніяхъ. Когда-же были добавлены еще 8 рублей, (уже упомянутые мною выше), то на нихъ онъ сталъ брать уроки французскаго языка, т. е. продолжать свое самообразованіе.

И вторые каникулы провелъ Антокольскій въ Вильнѣ, но не у родителей, не у родныхъ, а въ особомъ помѣщеніи, за городомъ, вѣроятно, для того, чтобы скрыться отъ назойливаго любопытства единовѣрцевъ, такъ мѣшавшаго спокойно работать въ первый пріѣздъ его на родину, отъ глумленія «почтенныхъ старцевъ», своеобразныхъ еврейскихъ меценатовъ... Только уединившись отъ виленской толпы, отъ родныхъ и знакомыхъ, погрузившись въ работу, онъ, Антокольскій, по словамъ его, «*въ первый разъ наслаждался сознательно* и наслаж-

дался до упоенія, до усталости». Во дни отдыха отъ работы бродилъ онъ по чуднымъ окрестностямъ Вильны, заслушивался говора лѣсовъ, ухаживалъ за цвѣтами въ своемъ убогомъ цвѣтникѣ... Если люди, окружавшіе его въ Вильнѣ, не удовлетворяли молодого художника, если принужденъ онъ былъ удалиться, бѣжать отъ нихъ за городъ, то природа властно нашептывала ему то же, что когда-то говорилъ ему «идеалистъ-землемѣръ».— «Мой другъ!» признается Антокольскій: «я нарочно остановился на моемъ житьѣ-бытьѣ въ деревнѣ, потому, что оно было для меня послѣдними радостными днями юношества. Мнѣ было тогда двадцать три года и моя жизнь вступала въ новый фазисъ, полный заботъ, неудачъ и мученій. Хочешь выслушать мою одиссею? Постараюсь разсказать тебѣ ее какъ можно короче и безъ сентиментальности». И онъ разсказываетъ далѣе свою одиссею...

По возвращеніи въ Петербургъ, Антокольскій поселился съ Рѣпинымъ, о которомъ попрежнему отзывается очень тепло и который ввелъ его въ интеллигентный кружокъ товарищей-малороссовъ, не брезгавшихъ имъ, какъ евреемъ. Скоро получилъ Антокольскій и «царскую премію» въ 29 руб. 16 коп. ежемѣсячно за «Скупого». Благодаря этому, снова при помощи русскихъ, между которыми были и такіе же, какъ онъ бѣдняки, обстановка молодого художника улучшилась, хотя, конечно, не вполнѣ. На пасху отправился Антокольскій въ Вильну, чтобы отдохнуть и уѣхалъ оттуда разочарованный: «но тамъ ничего хорошаго меня не ждало», поясняетъ онъ. И когда настали новые каникулы его «никуда не манило», а душный, вонючій, лѣтній Петербургъ предпочелъ онъ

Вильнѣ и ея окрестностямъ... Такимъ образомъ, постепенно засасывала его, увлекала русская жизнь и рвались связи его съ еврействомъ... Тѣмъ не менѣе, грустныя думы не давали бѣдняку покоя и въ одиночествѣ: «отчего оставилъ я сытый кусокъ хлѣба и *пошелъ голодать на чужбинѣ, чуть не протягивая руку съ просьбой о милостынѣ*», упрекалъ себя молодой талантъ и спѣшилъ отъ полу-голодной, сѣрой дѣйствительности унестись въ область творчества и вѣчныхъ идеаловъ... И онъ работалъ и работалъ, учился, наблюдалъ, впитывая въ себя впечатлѣнія изъ окружающаго...

А время шло и постепенно, при посредствѣ русскаго вліянія, русскихъ людей, превращало никому неизвѣстнаго виленскаго еврейчика Мордуха въ извѣстнаго скульптора Марка Матвѣевича Антокольскаго. Ободряемый, по его признанію, *однимъ* лишь Рѣпинымъ, задумалъ Антокольскій группу «Нападеніе инквизиціи на евреевъ во время Пасхи», сдѣлавъ для нее эскизъ, который первоначально, по оригинальности его, былъ непонятъ большинствомъ въ академіи, а затѣмъ тамъ же понравился и былъ впослѣдствіи даже повторенъ художникомъ для Великой Княгини Маріи Николаевны. «Не помню, какъ зародился у меня проектъ» подобной работы—откровенно признается Антокольскій, какъ признавался и ранѣе по отношенію къ «портному-еврею, вдѣвающему нитку въ иглу,»—и оба эти признанія о художественныхъ произведеніяхъ, темою которыхъ послужили евреи, безспорно слѣдуетъ считать знаменательными для усвоенія процесса художественнаго творчества покойнаго. Недаромъ же дважды, въ разныхъ мѣстахъ, подчеркиваетъ онъ

безсознательность зарожденія въ душѣ его обоихъ мотивовъ и недаромъ, говоря о другихъ работахъ своихъ—«Иванъ Грозный» и «Петръ Великій», свидѣтельствуетъ онъ о томъ, что типы этихъ царей, на фонѣ русскаго самодержавія, поразивъ его своей психологіей, увлекли его, вызвали сознательно къ ихъ воспроизведенію...

Эскизъ свой—«Нападеніе инквизиціи на евреевъ»—Антокольскій свезъ въ Вильну, оставивъ на храненіи у родителей, а затѣмъ, вернувшись, нашелъ его приспособленнымъ для домашнихъ надобностей... «Представь мой ужасъ», комически разсказываетъ онъ своему другу: «когда я увидѣлъ, что старуха-кухарка распорядилась съ нимъ по-своему! Она сдѣлала изъ него курятникъ!» Конечно, трудно винить въ подобномъ варварствѣ глупую, невѣжественную стряпуху; но невольно приходитъ на умъ, что женщина эта не посмѣла бы такъ распоряжаться въ домѣ родителей Антокольскаго, если бы родители и родственники художника цѣнили въ должной мѣрѣ его произведеніе, а не поставили бы послѣднее вмѣстѣ съ кухоннымъ хламомъ...

Скоро у Антокольскаго, какъ признается онъ, осталась одна лишь «царская стипендія». Куда же, спрашивается, дѣвалась—другая, частная стипендія, которую давалъ ему Г? Или ужъ не подъ силу стало гордому, самолюбивому юношѣ-еврею получать ее?!—«Но могъ-ли я этимъ довольствоваться?» грустно восклицаетъ онъ: «Да пора было и честь знать и уступить ее другимъ».—«Трудно мнѣ описать тогдашнее мое состояніе», читаемъ мы далѣе въ автобіографіи: «Трудно по двумъ причинамъ: не сумѣю, да и тяжело вспоминать. Бывали минуты, когда я самъ себя не узнавалъ.

Я иногда блуждалъ какъ тѣнь, или сидѣлъ по цѣлымъ вечерамъ дома и думалъ впотьмахъ, а думы мои были темнѣе ночи... При этомъ, извѣстія изъ дому были печальны, и самъ я чувствовалъ себя нездоровымъ».

Тѣмъ не менѣе, кромѣ непріятнаго столкновенія съ кѣмъ то, съ «однимъ изъ близкихъ друзей», и ссылки на то, что нѣкоторые старые товарищи по академіи стали относиться къ нему какъ-то странно, Антокольскій спѣшитъ сейчасъ-же, точно желая загладить непріятное впечатлѣніе, указать на тотъ кружокъ интеллигентныхъ русскихъ,—въ которомъ часто приходилось ему спорить объ искусствѣ и его задачахъ. При этомъ онъ благородно объясняетъ причину этихъ горячихъ, безконечныхъ споровъ слѣдующимъ образомъ: «Конечно, искусство было для всѣхъ насъ самымъ жгучимъ вопросомъ, *но сытый голодному не пара*—ихъ жизнь была весела и беззаботна, моя—печальна. Они смотрѣли на меня, какъ на обиженнаго, охотно сочувствовали мнѣ, возмущались... *Но все-таки не было полнаго равенства*».

Однако, счастье стало улыбаться и талантливому бѣдняку: получивъ изъ академіи за эскизъ «Нападеніе инквизиціи на евреевъ» третью награду въ 25 рублей и вызвавъ тѣмъ изумленіе въ средѣ товарищей, неодобрявшихъ подобнаго произведенія, Антокольскій разсказываетъ, что послѣ этого «маленькаго удовольствія» онъ испыталъ «*большое*—случайно познакомившись съ В. В. Стасовымъ», съ истинно-русскимъ, просвѣщеннымъ человѣкомъ и меценатомъ. Всѣмъ давно извѣстно, какъ дѣйствительно много сдѣлалъ для начинающаго художника Стасовъ и, какъ всегда, до самой смерти, тепло относился къ нему покойный.

Но были и курьезныя встрѣчи съ русскими, напримѣръ, съ какой-то «почтенной дамой», пожелавшей имѣть деревянное распятіе работы молодого художника, о которомъ уже начинали говорить въ столицѣ. Дама эта, въ одинъ прекрасный день, стала довольно безтактно настаивать на переходѣ Антокольскаго въ христіанство. «Я» говоритъ онъ: «давалъ уклончивые отвѣты, что это Богу видно было неугодно, иначе онъ не далъ-бы мнѣ родиться евреемъ» и т. п. Какъ можно судить изъ дальнѣйшихъ разъясненій автора мемуаровъ, странная, экзальтированная дама, по всей вѣроятности, не желала заказать такую работу, какъ распятіе, некрещенному, еврею: она, до передачи заказа, убѣждала его, хоть «на нѣмецкомъ языкѣ» (?) прочесть какую-то молитву, а затѣмъ сама прочла эту молитву надъ юношей и только тогда вручила ему работу. Распятіемъ дама осталась очень довольна, уплатила художнику 100 рублей, стала даже великодушно поить его чаемъ, но, однако, постыдилась сидѣть рядомъ съ евреемъ, когда въ прихожей случайно раздался звонокъ... Все это описано Антокольскимъ съ присущимъ ему тонкимъ юморомъ и не безъ ироніи... Мало ли, впрочемъ, странныхъ встрѣчъ и знакомствъ посылала ему капризная судьба!...

Новый заказъ—и новые сто рублей дали, наконецъ, возможность Антокольскому сдѣлать себѣ теплое пальто, взамѣнъ «историческаго плэда» и даже расплатиться съ долгами.—«Это въ своемъ родѣ освобожденіе отъ комаровъ» говоритъ онъ: «Я и теперь очень люблю деньги, когда ихъ нѣтъ. Но имѣю-ли рубль или десять—разницы въ радости не ощущаю». Въ другомъ-же мѣстѣ мемуаровъ онъ поясняетъ, что и пальто, сдѣланное

на скудныя сбереженія, не укрывало его отъ стужи и простудъ: «оно было недлинное, воротникъ невысокъ; я былъ плохо защищенъ отъ холода».

Впрочемъ грозовыя тучи, собравшіяся надъ головой талантливаго труженика, по милости Божіей и при помощи «добрыхъ людей», русскихъ, понемногу разъсѣивались и исчезали. Полный-же переворотъ въ судьбѣ его произошелъ послѣ созданія «Ивана Грознаго», личность котораго, поразивъ художника, давно проковывала своими рѣзкими противорѣчіями его воображеніе. Мастерскую Антокольскаго посѣтили Великая Княгиня Марья Николаевна, Императоръ Александръ II, а за ними и «весь Петербургъ». Онъ получилъ званіе академика; статую купили по приказанію Императора. Это было полное торжество таланта... Съ умиленіемъ вспоминаетъ Маркъ Матвѣевичъ милостивый визитъ Великой Княгини, русской женщины, благодарно восклицая: «*Теперь я спасенъ и спасенъ женщиной! Она подарила мнѣ жизнь* и создала мою славу, и все такъ скоро, такъ неожиданно»! Съ этихъ знаменательныхъ минутъ—вниманія Высочайшихъ Особъ, покупки статуи и полученія званія академика—по довольно ядовитому замѣчанію покойнаго—сразу-же появились у него непрошенные совѣтники, адвокаты, доброжелатели, новые друзья... (и стали тянуть съ него деньги родные—добавимъ мы отъ себя—со словъ покойнаго художника). Какой-то важный, столичный «магнатъ» пригласилъ его къ себѣ, наговорилъ много хорошихъ словъ и отпустилъ ни съ чѣмъ. А онъ, ставшій сразу знаменитостью, но неполучившій еще денегъ за «Ивана Грознаго», попрежнему нуждался.—«Спасибо» говоритъ Антокольскій художнику Ге: онъ *выручилъ* меня», одол-

живъ 25 рублей и давши нѣсколько полезныхъ житейскихъ указаній.

Спасшись, благодаря дружной поддержкѣ русскихъ, изъ сѣтей бѣдности, Антокольскій, въ первые дни перемѣны своего положенія, не разъ вспоминалъ иное, недавнее время: «Послѣ утомительнаго дня итти спать съ голоднымъ желудкомъ и съ мыслью, что завтра будетъ тоже самое, и что одинъ Богъ знаетъ, что еще дальше будетъ—это ужасно!» — Какимъ холоднымъ отчаяніемъ вѣетъ отъ этихъ строкъ гордаго, чуткаго еврея, предпочитавшаго голодать, чѣмъ итти, просить позорную милостыню!.. И честь и слава Антокольскому, писавшему мемуары свои въ иной обстановкѣ, но не пожелавшему скрыть въ нихъ неприкрашенной правды минувшаго!..

Но довольно! Довольно и вышеприведенныхъ выписокъ, которыя постарался сдѣлать я съ возможнымъ безпристрастіемъ (надо надѣяться, что читатели «Виленскаго Вѣстника» убѣдятся въ томъ, прочтя самые мемуары).

Впрочемъ, мнѣ жаль еще такъ скоро разстаться съ этими дорогими сердцу моему, высоко-художественными страницами... Въ воспоминаніяхъ своихъ, кромѣ русскихъ людей, уже мною выше упомянутыхъ, благодарно, тепло вспоминаетъ Антокольскій и другихъ русскихъ—композитора Сѣрова и его интеллигентную, радушную семью, «добраго» Прахова, своего любимаго профессора Реймерса, художниковъ Крамскаго, Шишкина, Пименова, какого-то погибшаго, гордо и долго боровшагося съ голодной нуждою, товарища по академіи К.—все русскихъ, русскихъ и русскихъ, съ которыми онъ близко сходился. Были, конечно, и между русскими, какъ я уже указалъ выше въ

настоящей замѣткѣ, отрицательные, странные несимпатичные типы; но о нихъ Антокольскій говорилъ лишь вскользь, безъ злобы, даже съ добродушной ироніей, какъ объ явленіяхъ, представлявшихъ изъ себя—по мнѣнію его—грустныя, уродливыя исключенія... И рядомъ съ пестрой вереницею русскихъ, женщинъ и мужчинъ, выдающихся и заурядныхъ, но благородныхъ, добрыхъ, вѣротерпимыхъ личностей, помогшихъ неизвѣстному еврею—самородку на его мученическомъ пути—ни одного еврейскаго имени, ни одного горячаго, изъ сердца вырвавшагося, необлитаго жолчью тонкой сатиры, слова благодарности по адресу евреевъ, въ томъ числѣ и родственниковъ того времени!!... Только попутно, мимоходомъ, называетъ онъ мать свою «доброй», да симпатично рисуетъ маленькаго еврея, Эліаша, у котораго художникъ замѣтилъ дарованіе, котораго вырвалъ изъ среды единовѣрцевъ и увезъ въ столицу... За то сколько пылкихъ горячихъ страницъ по адресу русскихъ!... Не напрасно говорилъ я уже въ предыдущей замѣткѣ, что у Антокольскаго, этого «выходца изъ еврейскаго гетто», какъ зоветъ его теперь родственникъ его, г. «кандидатъ правъ», было не только благородное, но и *благодарное* сердце!..

А какъ трогательно, любовно говоритъ Антокольскій въ одномъ мѣстѣ своихъ воспоминаній о «христіанскомъ міросозерцаніи» въ отличіе отъ міросозерцанія древне—греческаго, языческаго!.. Всѣ его симпатіи, конечно, открыто на сторонѣ христіанскаго міросозерцанія, христіанскаго искусства, (т. е. искусства проникнутаго идеалами Христа).—Вотъ что Маркъ Матвѣевичъ пишетъ по этому серьезному вопросу: «христіанское міро-

созерцаніе способствовало созданію въ искусствѣ *полнаго выраженія беззавѣтной душевной красоты, достигшей своего апогея,* какъ у грековъ достигала апогея красота физическая... Разницу между этими двумя искусствами (древне-греческимъ, языческимъ, и христіанскимъ) составляетъ противуположность ихъ содержанія. *Греческіе боги не пришли искупить человѣческихъ грѣховъ; они не страждутъ,* а полны жизненнаго, реальнаго интереса—только въ совершенствѣ; *греческіе полубоги—не христіанскіе мученики, пострадавшіе за вѣру и правду,* не аскеты, отдалившіеся отъ мірскихъ суетъ и молящіеся за людскіе грѣхи: нѣтъ, они только усовершенствовали жизнь, сумѣли отличиться, стать выше обыкновеннаго человѣка, хотя-бы въ физическихъ упражненіяхъ». И далѣе: «Разница между греческимъ и христіанскимъ міросозерцаніемъ состоитъ въ томъ, что греки призвали своихъ боговъ къ себѣ и передали имъ свои жизненные интересы, *между тѣмъ, какъ христіане, совершенно наоборотъ, стремятся къ Богу*».—«Христіанскія готическія церкви всегда точно выростаютъ изъ земли; ихъ безконечные башни и шпицы стремятся къ небу, а внутренность ихъ скорѣе настраиваетъ *на размышленіе о ничтожности и суетности всего мірского,* нежели вызываетъ желаніе окунуться въ житейскія волны». Симпатіи Антокольскаго, понятно, и не на сторонѣ искусства декоративнаго, процвѣтавшаго въ древнемъ языческомъ Римѣ, а на сторонѣ искусства «душевнаго», искусства, одухотвореннаго «христіанскимъ міросозерцаніемъ». Онъ проникновенно добавляетъ: «*Но душевное искусство поднимается пропорціонально съ духомъ народа; только у испорченныхъ душъ нѣтъ идеала!* Все это я говорю теперь, послѣ мно-

гихъ, многихъ лѣтъ; послѣ того, какъ я успѣлъ и подумать, и даже немного постарѣть; *но тогда* (во дни молодости) *инстинктъ мой былъ сильнѣе сознанія... За то сколько мученій создалъ онъ мнѣ!»* —Неправда-ли, какое чудное, ясное, благородное, идеальное понятіе о христіанствѣ, объ искусствѣ, проникнутомъ завѣтами Христа!?... Недаромъ-же такіе удивительные лики распятаго Христа, Божьей Матери, мученицы христіанки, поцѣлуй Іуды и множество другихъ произведеній, въ которыхъ фигурируетъ Искупитель, создалъ Антокольскій...

И во всей статьѣ-автобіографіи—ни слова объ еврейской религіи, объ еврейскихъ идеалахъ, объ еврейскихъ храмахъ!!... Какъ будто ничего подобнаго не существуетъ на свѣтѣ. Неужели сдѣлано это не нарочно, а случайно, въ произведеніи, долженствующемъ отразить въ себѣ то міросозерцаніе, тѣ убѣжденія, съ которыми покойный, послѣ долгихъ лѣтъ колебаній, сомнѣній и борьбы, дошелъ до преклоннаго возраста?!... Нѣтъ, въ подобномъ фактѣ несомнѣнно скрывается глубокая идея, преднамѣренность... Нечего говорить, что тамъ, въ мемуарахъ, не могло быть и рѣчи о какомъ-либо «еврейскомъ искусствѣ». Да Антокольскій и не зналъ подобнаго «еврейскаго искусства», какъ выраженія національнаго духа еврейскаго народа: говорю это не только на основаніи его автобіографіи, но и на основаніи личныхъ бесѣдъ моихъ съ художникомъ... А вѣдь не далѣе, какъ на этихъ дняхъ въ одной, довольно распространенной русско-еврейской газетѣ, въ статьѣ, посвященной памяти Антокольскаго, въ порывѣ увлеченія, договорились до того, что покойный будтобы былъ яркимъ представителемъ... «еврейскаго искусства»!!... Въ такомъ мнѣніи кроется явное,

грубое недоразумѣніе: намъ извѣстны евреи-художники, работавшіе и работающіе въ разныхъ странахъ, подъ вліяніемъ различныхъ школъ и національностей, среди которыхъ они живутъ, такъ сказать, «евреи въ искусствѣ», но еврейскаго искусства», какъ особой школы, имѣющей свою исторію, нѣтъ и, конечно, никогда не будетъ, уже хотя-бы потому, что не можетъ быть самостоятельной, художественной школы у народа, тысячелѣтія не имѣющаго одного и того-же отечества, а разбросаннаго по всему свѣту, среди самыхъ противоположныхъ, тяжелыхъ условій существованія... И гдѣ же образцы подобнаго искусства? Они, такіе образцы, вѣроятно, были во дни славы и процвѣтанія еврейства, какъ народа, имѣвшаго опредѣленную родину. Но разсѣялся народъ, и умерла его художественная душа... Антокольскій, съ его природнымъ умомъ, житейскимъ опытомъ и основательнымъ знаніемъ исторіи искусства, отлично это понималъ, почему и тяготѣлъ всей душою къ единственно симпатичному, понятному ему, существующему уже вѣка, искусству,—искусству христіанскому, «душевному». Да простятъ мнѣ читатели эти невольныя отступленія въ область отвлеченнаго!...

Я сказалъ выше, что М. М. Антокольскій, въ своей замѣчательной автобіографіи, словно нарочно умалчиваетъ про родственниковъ-евреевъ. Мнѣ слѣдуетъ оговориться: въ воспоминаніяхъ этого человѣка есть еще одно мѣсто, рисующее сцену изъ того періода пребыванія въ Петербургѣ его, Антокольскаго, когда ему подчасъ нечего было ѣсть и онъ бродилъ по городу мрачный, сомнѣвающійся, закутанный въ свой плэдъ.—«Въ минуту жизни трудную» вспомнилъ бѣднякъ-еврей,

что для него не все потеряно; что у него имѣются еще часы.—«То былъ остатокъ моей прежней состоятельности», разсказываетъ Антокольскій другу: «Подумавъ немного, я ускорилъ шаги и отправился *къ одному дальнему моему родственнику —съ увѣренностью, что онъ не откажетъ мнѣ въ нѣсколькихъ рубляхъ подъ залогъ часовъ; но ошибся*».—«Отвѣтъ его былъ въ своемъ родѣ знаменателенъ», иронизируетъ Антокольскій: «Видишь», сказалъ ему этотъ родственникъ-еврей—«*брать отъ тебя въ залогъ нехорошо, какъ-то совѣстно, а такъ—дать не могу*».—«Приэтомъ», поясняетъ Антокольскій: «онъ, какъ *родственникъ и добрый человѣкъ, счелъ долгомъ дать мнѣ отеческое наставленіе*: «Поѣзжай, братъ, домой—это будетъ лучше всего. И отчего ты не хочешь быть такимъ, какъ всѣ? Видишь: всѣ мы живемъ и, слава Богу, жаловаться не можемъ, а тебѣ тарелки съ неба подавай! Непремѣнно художникомъ быть —важность какая!... Вотъ знаю я одного художника; золотую медаль имѣетъ—пьяница! Медаль заложилъ, а самъ голодаетъ!» Надо думать, что родственникъ этотъ былъ или «еврейскій меценатъ» (такъ какъ оказался знакомымъ съ художникомъ, имѣвшимъ медаль, и съ его критическимъ положеніемъ), или закладчикъ, принявшій въ залогъ медаль у этого художника, а потомъ надъ нимъ-же издѣвавшійся. Во всякомъ случаѣ это былъ несомнѣнно человѣкъ со средствами, такъ какъ вѣдь далъ-же бы онъ—по его признанію—подъ залогъ часовъ деньги другому, только не родственнику! Не поможетъ-ли снова намъ г. «кандидатъ правъ» Г. М. Антокольскій пополнить автобіографію знаменитаго скульптора и не назоветъ-ли этого своего родственника, мецената и

благотворителя?!. Слѣдовало-бы, по моему мнѣнію, имя подобной личности—піявки прикрѣпить гвоздемъ позора и осужденія къ подножію могильнаго холма, покрывающаго прахъ страдальца—Антокольскаго!...

Но довольно, довольно! Подальше отъ этихъ еврейскихъ типовъ—родственниковъ и неродственниковъ усопшаго художника, которыхъ отмѣтилъ онъ, очевидно, въ назиданіе и предупрежденіе еврейству—въ своей безпощадной, правдивой автобіографіи!! Задыхаешься въ подобной средѣ, при видѣ подобнаго безсердечія, душевной черствости и невѣжества... Какъ-же долженъ былъ изводиться тамъ чуткій, нервный, впечатлительный Антокольскій!... Бѣдный, бѣдный идеалистъ-художникъ!... Миръ праху твоему и вѣчное упокоеніе свѣтлой, многострадальной душѣ твоей!... Какъ жаль, что такъ рано угасъ свѣточъ твоего несомнѣннаго таланта!.. Кто знаетъ, не подарилъ-ли бы ты потомству, вслѣдъ за группою «еврея, арестуемаго, терзаемаго инквизиціей», - рядъ иныхъ группъ изъ жизни современнаго еврейства, хотя-бы изъ жизни начинающаго еврея—художника, терзаемаго въ молодости своими-же единовѣрцами. Быть можетъ, тебя вдохновили-бы тѣ два «важныхъ» виленскихъ еврея—мецената, которые такъ безжалостно и ядовито издѣвались надъ тобою въ своихъ палатахъ? Или, еще лучше, ты могъ-бы изобразить того-же бѣднаго еврейчика—художника, полу-голоднаго, дрожащаго, плохо прикрытаго «историческимъ плэдомъ» отъ зимней стужи, приносящаго своему состоятельному, столичному родственнику въ залогъ послѣдніе часы - еврейчика, въ лицѣ котораго вылились всѣ разнородныя чувства—презрѣнія, негодованія, стыда, вызванныя урокомъ «жи-

тейской философіи», преподаннымъ гуманнымъ родственникомъ — а затѣмъ, въ дополненіе къ группѣ—этого-же еврейчика, выгнаннаго на улицу Петербурга ни съ чѣмъ милымъ родственникомъ и призывающаго ночное небо для суда надъ послѣднимъ... Какія бы это были, по всей вѣроятности, потрясающія, высокопоучительныя для потомства, созданія искусства, судя по типамъ твоей автобіографіи!!.. *).

И вотъ, едва закрылись подъ дыханіемъ неумолимой смерти усталыя очи художника, едва сомкнулись уста его и окоченѣли трудовыя, талантливыя руки, довольно-таки поработавшія для ближнихъ—какъ «родственникъ знаменитости», г. «кандидатъ правъ» Г. М. Антокольскій уже огульно бросаетъ грязью и обвиненіями въ то самое русское общество, которое, въ лицѣ лучшихъ его представителей, не только пришло поклониться праху покойнаго, но нѣкогда спасло дарованіе М. М. Антокольскаго, даже—по признанію его—*спасло самую жизнь его*, позволяетъ себѣ развязно утверждать, что Антокольскій всѣмъ обязанъ только евреямъ, угрожаетъ мнѣ, опровергающему это, какими-то «человѣческими документами», будто-бы сохранившимися у родныхъ художника — въ то время, когда передъ нами лежитъ такой важный, неопровержимый «человѣческій документъ», какъ печатная исповѣдь самаго Антокольскаго! Этотъ господинъ позволяетъ себѣ также называть лживымъ заявленіе мое, что евреи, въ томъ числѣ

*) Въ автобіографіи своей Антокольскій, вскользь, упоминаетъ еще о двухъ головкахъ евреевъ, спорящихъ о талмудѣ. Головки эти—передо мною. На нихъ изображены два фанатика еврея—въ пылу талмудической діалектики. Взятые съ натуры типы эти указываютъ на то, какъ трезво, критически смотрѣлъ усопшій художникъ на слѣпыхъ послѣдователей талмуда. Обѣ головки прямо каррикатурны!..

родственники покойнаго, пришли на помощь послѣднему уже тогда, когда, при дружныхъ усиліяхъ русскихъ и подъ вліяніемъ этихъ русскихъ, выбился онъ на дорогу, окрѣпъ, возмужалъ талантомъ, превратился въ знаменитость; отрицаетъ, что Антокольскій бѣжалъ отъ родныхъ, отъ евреевъ; что онъ сдѣлался тѣмъ, чѣмъ умеръ, лишь порвавъ съ извѣстной частью еврейства! И развѣ не правъ я былъ, утверждая, что по духу, по симпатіямъ своимъ и образу жизни, Антокольскій былъ «христіанинъ» въ лучшемъ, чистомъ значеніи этого слова!!! Мнѣ ставится въ упрекъ, что я коснулся интимныхъ сторонъ семейной жизни покойнаго, его родственниковъ и знакомыхъ-евреевъ... Но развѣ самъ Антокольскій не касается своей семейной, интимной жизни въ автобіографіи и развѣ я говорилъ о родственныхъ отношеніяхъ его въ послѣдніе годы его жизни (которыхъ я не знаю) и не касался прошлыхъ родственныхъ отношеній, какъ ихъ заклеймила и автобіографія?! И не краснѣете-ли вы, г. «кандидатъ правъ» Г. М. Антокольскій, получивъ должное загробное наставленіе отъ вашего знаменитаго родственника?! Прочтите-же внимательно, безпристрастно и спокойно хоть теперь автобіографію, вдумайтесь въ ея фактическую, такъ сказать, документальную сторону, постарайтесь усвоить себѣ затѣмъ духъ ея!!... Тогда вы будете осторожны въ своихъ выводахъ и обвиненіяхъ, проникнитесь сами тѣмъ наитіемъ «истинной христіанской морали», которымъ отличается автобіографія и которое совершенно отсутствуетъ въ вашемъ «письмѣ въ редакцію».

Кстати! Въ «Новомъ Времени» (№№ 9461 и 9488) помѣщена статья г. Иванова, повидимому близко и хорошо знавшаго покойнаго Ан-

токольскаго, а также тѣ русскіе кружки—петербургскій и римскій, въ которыхъ онъ вращался.—Упомянувъ о томъ, что вырвавшись изъ Вильны, изъ еврейской среды, покойный «прозрѣлъ» умственно лишь окунувшись въ русскую жизнь, сблизившись съ русскими людьми, г. Ивановъ пишетъ: «Что онъ (Антокольскій) могъ получить въ Вильнѣ, выросши въ бѣдной семьѣ, интересы которой были поглощены добываніемъ ежедневно —буквально—куска хлѣба!... *Въ Вильнѣ онъ получилъ природный талантъ—и только.* Талантъ этотъ могъ легко заглохнуть, какъ погибаютъ сотни дарованій, находящихся въ тѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыхъ Антокольскій прожилъ добрыхъ двадцать лѣтъ своей жизни. *Случай* —одинъ изъ сильнѣйшихъ устроителей человѣческой жизни—помогъ ему. Онъ вырѣзалъ изъ слоновой кости портретъ Назимова, поднесъ его Назимову... Жена послѣдняго заинтересовалась талантливымъ самоучкою, дала ему возможность добраться до Петербурга, даже, кажется, помогла ему вступить въ академію. *Это все, что получилъ Антокольскій отъ своего родного города.* Затѣмъ связи его съ мѣстомъ рожденія прекращаются едва-ли не навсегда, за исключеніемъ его женитьбы на дѣвушкѣ, по рожденію тоже принадлежащей Вильнѣ, и выполненія памятника Екатеринѣ II-й, который городъ заказалъ ему»...— «*Въ кружкѣ Праховыхъ новый міръ раскрылся ему. Онъ этого никогда не скрывалъ, какъ не скрывалъ вліянія на себя и римскаго кружка* (русскихъ-же людей)».—«Вліяніе этихъ кружковъ на Антокольскаго именно и сказалось *въ отсутствіи у него нетерпимости къ чужимъ мнѣніямъ и произведеніямъ*».—«Я, впрочемъ, имѣю всѣ основанія утверждать», говоритъ г. Ивановъ: «что

не смотря на близость Антокольскаго къ г. Стасову, ему ближе идеи и складъ названныхъ кружковъ, часть членовъ которыхъ были его ближайшими, интимнѣйшими друзьями».—«Вообще въ обоихъ кружкахъ не было ни исключительности, ни партійности, ни тенденціозности, господствовалъ широкій взглядъ на вещи, на искусство, царствовала живая, непредубѣжденная любовь къ нему».—«Въ нихъ дышали свободно и никому не мѣшалось жить на свой манеръ, привѣтствуя и почитая все талантливое и то, что подавало надежды на талантъ».

Хорошо-бы автору «письма въ редакцію» г. «кандидату правъ» Г. М. Антокольскому поучиться у своего почтеннаго родственника той терпимости къ чужимъ мнѣніямъ, той широкости взгляда на окружающій міръ, о которыхъ справедливо упоминаетъ г. Ивановъ. Тогда не позволилъ-бы онъ себѣ совсѣмъ некстати, ради желанья щегольнуть дешевымъ либерализмомъ, бросить, напримѣръ, тѣнь на такого виднаго русскаго дѣятеля, какимъ былъ М. Н. Катковъ!—«Булгарины, Катковы и Буренины у насъ, на Руси, еще не перевелись», говорите вы, г. «кандидатъ правъ».—Не прикасайтесь же своими руками къ такимъ могиламъ, какъ могила Каткова, честно, по мѣрѣ пониманія и силъ, послужившаго отечеству!... «Для васъ», конечно, «безмолвны Кремль и Прага»... И не говорите—«у насъ на Руси», не выступайте какимъ-то непрошеннымъ представителемъ русскихъ!... Но, повѣрьте, что Маркъ Матвѣевичъ не позволилъ-бы себѣ произнести словъ вашихъ у чужой, уважаемой русскими, могилы...

Кромѣ автобіографіи Антокольскаго, выше-цитируемой статьи Иванова и воспоминаній лицъ,

близко знавшихъ покойнаго, у меня найдутся въ бумагахъ и другіе «человѣческіе документы», чтобы доказать, что въ душѣ и жизни Маркъ Матвѣевичъ былъ христіаниномъ: со временемъ я представлю ихъ на судъ общества. Да если-бы ихъ и не было, то уже знакомство, самое поверхностное, съ произведеніями покойнаго, въ которыя вложилъ онъ свою душу, свои надежды, свои лучшія силы, достаточно даетъ указаній для разрѣшенія этого вопроса. А между тѣмъ замѣтка моя вызвала опроверженіе, споры, упреки по моему адресу!.. Но слѣпые отъ рожденія не могутъ имѣть понятіе о солнечномъ свѣтѣ!.. И совѣсть моя спокойна... А это главное—если не все...

На-дняхъ встрѣтился я въ Вильнѣ съ однимъ интеллигентнымъ, начитаннымъ и порядочнымъ евреемъ, который сейчасъ-же сталъ упрекать меня за то, что я, въ статьѣ моей, утверждаю, будтобы въ Антокольскомъ ничего не осталось еврейскаго, что по жизни и убѣжденіямъ онъ былъ христіаниномъ, хотя и назывался евреемъ... «А вы тоже считаете себя евреемъ?» спросилъ я собесѣдника. «А какже?»—«Что-же въ васъ еврейскаго?»—И я задалъ затѣмъ рядъ вопросовъ, на которые растерявшійся, разсерженный еврей только и могъ сказать: «и я—еврей, такъ какъ меня обрѣзали».

Тогда я назвалъ моему собесѣднику рядъ произведеній Антокольскаго, безспорно проникнутыхъ духомъ Христова ученія—въ доказательство того, что подъ русскимъ вліяніемъ покойный сталъ въ душѣ христіаниномъ. И вотъ что отвѣтилъ мнѣ развитой, начитанный еврей (передаю не подлинныя его слова, а мысль его): у каждаго человѣка —*двѣ души*: одна—его интимная, по которой чув-

ствуетъ онъ и думаетъ, а другая, такъ сказать оффиціальная, показная, по которой онъ живетъ среди людей, примѣняясь къ обстоятельствамъ и стараясь повыгоднѣе для себя приложить къ жизни свои природныя способности. Благодаря этой второй душѣ, желая сдѣлать хорошій гешефтъ и удачно сбыть свой художественный товаръ русскимъ,—Антокольскій создалъ статую Христа, христіанской мученицы, Божьей Матери, поцѣлуй Іуды, Ивана Грознаго, Петра и др. Но по первой душѣ—онъ былъ и остался до конца дней своихъ упорнымъ, убѣжденнымъ евреемъ. Таковъ взглядъ интеллигентнаго еврея на «двѣ души въ каждомъ человѣкѣ»—взглядъ, допускающій самыя унизительныя сдѣлки съ совѣстью. Привожу это мнѣніе, какъ весьма характерное и—увы!—далеко неединичное.

Но говорящіе такъ напрасно клевещутъ на Антокольскаго, и мы, русскіе, хорошо знаемъ, что у покойнаго была лишь одна душа—душа талантливая, добрая, благородная, въ которой желаніе сдѣлать «хорошій гешефтъ» никогда не вытѣсняло служенія высшимъ идеаламъ искусства, служенія идеаламъ христіанства... А сколько изъ стоявшихъ, толпившихся у гроба Антокольскаго, думало такъ, какъ думаетъ виленскій интеллигентный еврей! И господа эти пресерьезно воображали, и продолжаютъ воображать, что Антокольскій такой-же, какъ они, еврей по духу, по симпатіямъ, по поступкамъ, говорятъ: «онъ—нашъ! мы, евреи, всегда, съ дѣтства, цѣнили его и понимали».—И они, эти господа. свысока, съ презрѣніемъ глядѣли, вѣроятно, на немногихъ русскихъ, посмѣвшихъ имѣть свое особое мнѣніе о покойномъ, но, по чувству справедливости, пришедшихъ на похоро-

ны—воздать должное таланту и человѣку, отталкивали, быть можетъ, этихъ русскихъ отъ гроба, какъ дѣлаетъ это теперь съ русскими-же г. «кандидатъ правъ»—въ развязномъ «письмѣ въ редакцію».

Г. «кандидатъ правъ» жестоко ошибается въ своихъ впечатлѣніяхъ и нѣкоторыя свѣдѣнія у него положительно почерпнуты изъ дурного, нечистаго источника. Смѣю его увѣрить, что я видѣлъ толпу евреевъ на виленскомъ вокзалѣ въ тотъ, первый день, когда многіе евреи собрались туда, не зная про объявленія о томъ, что провозъ тѣла М. М. Антокольскаго отложенъ, а нѣкоторые и потому, что, прочтя объявленія, не повѣрили имъ. Я былъ и въ Петербургѣ въ день похоронъ Антокольскаго... Я не только видѣлъ толпу, но даже распрашивалъ еврейскихъ бѣдняковъ о томъ, кого хоронятъ, кто былъ Антокольскій, каковы заслуги его передъ еврействомъ?—Но мои бесѣды съ ними когда нибудь передамъ я въ особой статьѣ подъ заглавіемъ: «По пути слѣдованія праха знаменитаго художника». Онѣ, эти бесѣды, очень поучительны и мѣсто имъ, конечно, не въ настоящей бѣглой газетной замѣткѣ...

А теперь скажу только, что когда въ Вильнѣ умирали нѣкоторые «богатые, важные» евреи, изъ которыхъ многіе составили свои состоянія завѣдомо путемъ незаконной наживы—съ евреевъ и русскихъ,—толпа бѣдняковъ-евреевъ, собиравшаяся на пути слѣдованія ихъ праха, была порой куда многолюднѣе той толпы, которая пришла на виленскій вокзалъ—встрѣчать тѣло «дѣйствительнаго статскаго совѣтника Антокольскаго», какъ о чинѣ покойнаго извѣщали объявленія на всѣхъ углахъ улицъ. Мнѣ хорошо извѣстно, что на по-

хороны богачей—кого привлекало любопытство, кого тайная зависть къ чужому богатству, кого надежда на подачку, кого просто тщеславіе, желанье похвастаться близостью къ покойному. Но собравшіеся не стѣснялись тутъ же, громко, даже по-русски, ругать умершаго эксплоататора... Любопытство, огромныя широко-вѣщательныя объявленія на улицахъ Вильны, надежды на щедрую милостыню, собрали многихъ бѣдняковъ и ко гробу Антокольскаго. Конечно, виленскую интеллигенцію, нѣкоторыхъ виленскихъ почтенныхъ родственниковъ покойнаго, которыхъ я лично знаю, привели туда же иныя чувства.

Но я отъ души посмѣялся, когда въ день предполагавшагося провоза черезъ Вильну тѣла покойнаго художника, на вопросъ мой, обращенный къ одной, довольно прилично одѣтой, еврейкѣ, «кого хоронятъ?»—она нерѣшительно, на-распѣвъ, отвѣтила: «не знаю... Антокольскаго... *еврейскаго генерала*!» Этотъ «еврейскій генералъ», право, стоитъ фразы «еврейское искусство!...» Вотъ, что надѣлали объявленія!..

Напрасно г. «кандидатъ правъ» старается обвинить меня затѣмъ и въ какой-то ненависти къ еврейству! Я вообще, не понимаю, какъ можно ненавидѣть *весь народъ*, а тѣмъ болѣе такой жалкій, несчастный, отмѣченный Божескою карой, какъ народъ еврейскій... Впрочемъ, виленскіе евреи знаютъ не на словахъ, а на дѣлѣ, люблю ли я, жалѣю ли дѣйствительно несчастныхъ, дѣйствительно достойныхъ представителей еврейства, дѣлаю-ли я разницу, когда съ просьбою о помощи протягивается ко мнѣ еврейская или христіанская рука, есть ли у меня, наконецъ, друзья среди евреевъ... Зналъ все это и покойный М. М. Анто-

кольскій, мнѣніемъ котораго я всегда дорожилъ. Но я и Антокольскому говорилъ въ глаза правду объ отрицательныхъ сторонахъ еврейства, какъ говорю ее теперь и буду говорить, зовя евреевъ ко Христу, къ слушанію Его проповѣди, указывая имъ на такіе поучительные примѣры увлеченія духомъ Христова ученія, какимъ былъ покойный Антокольскій...

Если бы Маркъ Матвѣевичъ принялъ православіе, перешелъ бы въ католичество или протестантство *ради мірскихъ выгодъ*, я презиралъ бы его, какъ презираю и тѣхъ евреевъ, которые поступили такъ не по глубокому сердечному влеченію, а ради ловкаго гешефта... Дѣло не въ томъ или иномъ названіи—«православный», «еврей», «католикъ», а въ убѣжденной жизни на извѣстныхъ духовныхъ началахъ. Мало-ли знаемъ мы христіанъ, недостойныхъ этого имени!... И я считаю Антокольскаго христіаниномъ не потому, что онъ былъ «обрѣзанъ» въ младенчествѣ евреями, не по тому, что онъ назывался «еврей» и, быть можетъ, по привычкѣ, соблюдалъ дома, у себя, нѣкоторые обряды еврейства, не потому, что онъ былъ похороненъ евреями «по обряду своей еврейской синагоги», въ «Пантеонѣ русскихъ общественныхъ дѣятелей»—на еврейскомъ общемъ кладбищѣ подъ Петербургомъ (тогда какъ высказывалъ мнѣ желаніе умереть и быть похороненнымъ въ Вильнѣ), а потому, что вся сознательная, художественно-общественная и частная жизнь его была жизнью по завѣтамъ Христа, Котораго онъ любилъ и до гроба носилъ въ сердцѣ своемъ, завѣщая ту-же любовь потомкамъ своимъ въ своей автобіографіи...

Нѣтъ, г. «кандидатъ правъ», возьмите слова

ваши назадъ!... Я люблю еврейскихъ дѣтей, тружениковъ еврейства, честно зарабатывающихъ хлѣбъ и за семьи свои мужественно борющихся съ судьбою; я люблю представителей еврейской интеллигенціи, сознательно или безсознательно проникнутыхъ идеалами христіанства, проводящихъ эти идеалы въ жизнь, критически въ то же время относящихся къ обрядовой сторонѣ своей еврейской религіи и указаніямъ талмуда, работающихъ, какъ работалъ и г. Антокольскій, въ духѣ просвѣтленія сѣрой массы еврейства на поприщахъ науки, педагогіи, адвокатуры, искусства, указывающихъ этой сѣрой массѣ «землю обѣтованную»—въ мірѣ христіанскихъ идеаловъ и сліянія съ русскими... Но еврей—эксплоататоръ ближняго, еврей соціалистъ, нигилистъ и иной отрицательный «истъ», разъѣдающій своими вредными ученіями организмъ общества, въ которомъ живетъ и соками котораго питается, еврей «съ двумя душами», еврей, мѣняющій религію отцовъ для болѣе удобнаго устройства своихъ личныхъ дѣлишекъ, въ тайнѣ-же остающійся заклятымъ врагомъ Христа, еврей, кричащій, что онъ—еврей, а при удобномъ случаѣ плюющій на свое-же еврейство, еврей, клевещущій на свою родину—Россію и русскихъ—противенъ мнѣ и... невыразимо жалокъ! Но также, если не болѣе, противны мнѣ,—повѣрьте нà-слово—и русскіе, въ которыхъ замѣчаю я тѣ-же признаки духовнаго вырожденія и упадка...

И повѣрьте, г. «кандидатъ правъ», въ васъ, получившемъ, судя по званію вашему, которое вы подчеркнули почему-то въ «открытомъ письмѣ», образованіе въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, быть можетъ, служащемъ даже въ русскомъ пра-

вительственномъ учрежденіи и пользующимся на юридической практикѣ русскими законами, въ основу которыхъ положены завѣты Христа,—въ васъ уже лежитъ зерно христіанства. Въ дѣтяхъ-же вашихъ (если они у васъ есть или будутъ) зерно это дастъ—по всей вѣроятности—живые ростки, быть можетъ, даже распустится въ пышный, благоухающій цвѣтокъ христіанской вѣры. А поручитесь-ли вы за то, что внуки ваши не будутъ уже явными или тайными христіанами?!... И желаю имъ этого, потомкамъ вашимъ, какъ желаю всякому, нашедшему, наконецъ, цѣлебный источникъ жизни и правды вѣчной... И не говорите, что такое желаніе съ моей стороны есть кощунство!..

Я назвалъ неслучайно настоящую замѣтку мою «еще нѣсколько словъ *въ защиту памяти* М. М. Антокольскаго». Опроверженіе родственника покойнаго, г. «кандидата правъ» Г. М. Антокольскаго, по убѣжденію моему, бросаетъ невыгодную, ложную, сомнительную тѣнь на личность усопшаго, на его истинныя вѣрованія, на всю его художественную дѣятельность... И грустно, что память дорогого намъ всѣмъ, русскимъ и евреямъ, человѣка приходится защищать отъ его-же единовѣрцевъ, отъ близкихъ ему людей... Но что-же дѣлать! Въ то-же время страшно становится за русскую публицистику, за русскую литературу... Не такъ еще давно, едва умиралъ выдающійся человѣкъ, какъ немедленно, словно грибы послѣ дождя, вылѣзали со своими, подчасъ сомнительными, воспоминаніями и непрошенной адвокатурой «друзья знаменитости». Теперь на сцену появляются уже и «родственники знаменитости». Но талантъ, господа,—опасная вещь: въ яркихъ лучахъ

его еще виднѣе иные недостатки окружающихъ и оборотная сторона медали!!...

Отъ всякихъ же дальнѣйшихъ споровъ и пререканій по вопросамъ, возбужденнымъ настоящей и предыдущею замѣтками моими, я отказываюсь, считая ихъ безполезными и опять-таки прямо оскорбительными для памяти такого крупнаго дѣятеля, какимъ былъ М. М. Антокольскій...

А. Ж.

Письмо къ еврею.

Дорогой, неизвѣстный мнѣ другъ! Не нахожу словъ, чтобы отблагодарить васъ за теплыя, сочувственныя строки по поводу статей моихъ о скульпторѣ М. М. Антокольскомъ, напечатанныхъ въ «Виленскомъ Вѣстникѣ»: строки эти, писанныя интеллигентнымъ евреемъ, были невыразимо пріятны мнѣ послѣ несправедливой, тенденціозной брани и замалчиванія нѣкоторой части еврейской прессы. Онѣ, кромѣ того, лишній разъ поддержали во мнѣ прежнюю вѣру въ то, что и между евреями были, есть и будутъ прекрасныя, достойныя, отзывчивыя на все хорошее, личности... Недаромъ, душа моя такъ скорбитъ о народѣ вашемъ!.. Благодарю васъ...

Но отчего вы не явились ко мнѣ сами поговорить запросто, а прибѣгаете къ письму, въ которомъ многое неясно, многое вызываетъ вопросы?.. Или васъ нѣтъ въ Вильнѣ и письмо ваше изъ другого города?.. Неужели въ сферѣ чистаго искусства, которому вы и я служимъ, по мѣрѣ силъ нашихъ и дарованій, только разными средствами, существуетъ разница общественнаго положенія, этикетъ, табель о рангахъ и прочія грустныя условности, разобщающія современныхъ людей?!.. Или васъ испугала перспектива—услышать отъ меня, христіанина, въ глаза рѣзкую правду?—Если я угадалъ послѣднее,—то—простите!—какое съ вашей стороны малодушіе!—Вѣдь сами-же вы

вызываете меня на откровенность, просите у меня совѣта, и я, откликнувшись на призывъ вашъ, буду неумолимъ въ моемъ приговорѣ, такъ какъ годами, опытомъ я старше васъ и знаю, что для молодого дарованія, стоящаго подобно вамъ, на распутьи, нѣтъ ничего цѣлительнѣе правды, вòвремя вылившейся изъ любящей души. А я не зная еще васъ лично, уже люблю васъ—люблю потому, что предвижу будущее страданіе ваше—страданіе человѣка, рожденнаго въ еврействѣ и въ которомъ тлѣетъ искра божественнаго огня идеальнаго, «душевнаго» искусства; люблю васъ потому, что душа ваша видимо томится жгучими, мучительными сомнѣніями, столь понятными мнѣ, писателю и христіанину; люблю васъ и потому, что вы по признанію вашему, подобно Антокольскому, задыхаетесь въ міазмахъ извѣстной части еврейства и жаждете жизни на иныхъ духовныхъ началахъ...

«Придите ко Мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные» сказалъ Христосъ: «И Я успокою васъ...» —Слышите-ли, дорогой другъ еврей, придите къ Нему, Благому, Всепрощающему, Перенесшему ужасы нравственной и тѣлесной пытки, во имя блага человѣчества, для торжества правды вѣчной, *всѣ*, кто страстно, убѣжденно алчетъ и жаждетъ этой правды, христіане и нехристіане; евреи и неевреи!... И всѣмъ обѣщаетъ Онъ покой, радость вѣчные...

Если голосъ Божественнаго Мученика говоритъ властно въ данную минуту пылкому сердцу вашему, то вы, какъ художникъ, уже на пути къ спасенію, быть можетъ даже спасены. И повѣрьте, что нигдѣ призывъ Спасителя такъ не знаменателенъ для евреевъ, такъ не трогателенъ, какъ въ

искусствѣ, именно въ двухъ важнѣйшихъ отрасляхъ его—живописи и скульптурѣ. Ниже, изъ поясненій моихъ, вы увидите, почему я позволяю себѣ такъ категорически выразиться...

Но возвратимся къ письму вашему! Судя по этому письму вы—начинающій скульпторъ, молоды, холосты, не стѣснены средствами, окончили успѣшно курсъ въ русскомъ учебномъ заведеніи; сердце ваше еще не очерствѣло; мысль—свѣжа и свободна... Какъ много данныхъ для отраднаго, свѣтлаго будущаго!.. А тѣмъ не менѣе вы уже страдаете... Но не всякое страданіе—какъ это увидите вы ниже на примѣрахъ—вызываетъ теплое сочувствіе въ ближнемъ, не всякое достойно стать цѣлью, духовнымъ счастьемъ жизни!... Разберемся-же въ сомнѣніяхъ вашихъ и надеждахъ: быть можетъ тогда яснѣе станетъ для васъ и благодатный выходъ...

Вы спрашиваете меня, что-же надо дѣлать вамъ, какъ еврею и художнику, для того, чтобы пойти вслѣдъ за Антокольскимъ и... въ то-же время просите меня уничтожить ваше горячее, откровенное письмо ко мнѣ, переслать отвѣтъ черезъ третье лицо, скрыть ваше имя—видимо изъ боязни преслѣдованія, травли со стороны нѣкоторыхъ вашихъ соотечественниковъ... Успокойтесь!.. Письма вашего уже не существуетъ, а имя ваше умретъ вмѣстѣ со мною... Но меня глубоко огорчилъ, однако, этотъ малодушный страхъ передъ чужимъ мнѣніемъ, эта боязнь грядущаго, возможнаго страданія... Есть минуты въ жизни каждаго изъ насъ, когда разъ навсегда приходится опредѣлить свое отношеніе къ окружающему міру и тѣмъ намѣтить программу жизни... Въ искусствѣ, которому видимо хотите посвятить вы всю

жизнь свою, программа эта обязательна болѣе, чѣмъ гдѣ либо...

Не колеблетесь-же! Дайте вашу робкую, дрожащую пока руку и пойдемъ за Христомъ! Онъ зоветъ и васъ наравнѣ съ другими, сердце Его уже раскрыто для вашихъ сомнѣній, сердечныя раны ваши быстро затянутся подъ благотворнымъ вліяніемъ цѣлительнаго слова Его, жизнь ваша сразу получитъ иной, глубокій, вѣчный смыслъ, талантъ—иное направленіе...

Итакъ, вы, еврей, хотите слѣдовать за покойнымъ Антокольскимъ... Благо вамъ! Но знаете-ли, на что обрекаете вы себя этимъ рѣшеніемъ?!..

Идти за Антокольскимъ, какъ за художникомъ, для еврея—значитъ идти за Христомъ, а идти за Христомъ, любить Христа, въ свою очередь, значитъ страдать, долго, мучительно, иногда несправедливо, до гроба, страдать отъ враговъ и друзей, отъ любящихъ и ненавидящихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ страдать тѣмъ высокимъ страданіемъ христіанина, которое озарено надеждой на торжество вѣчной правды, на побѣду надъ смертью...

Идти за Антокольскимъ, какъ за человѣкомъ, для русскаго еврея, значитъ бросить «отца и мать», домъ свой, родныхъ, знакомства, порвать съ прошлымъ, открыто проповѣдывать людямъ свою новую религію, чтить свою родину—Россію, служить ей до послѣдняго вздоха не на словахъ, а своимъ дарованіемъ, быть благодарнымъ сыномъ ея—за всѣ ея благодѣянія, прощающимъ ея недостатки, гордиться званіемъ «русскаго» и призывать къ сліянію съ русскимъ народомъ, съ русскимъ обществомъ остальное еврейство...

Идти за Антокольскимъ—значитъ также про-

щать врагамъ своимъ, по мѣрѣ возможности, какъ прощалъ имъ, по завѣту Христа, усопшій скульпторъ... А враговъ у него было достаточно: прочтите только его автобіографію!..

И за всѣ эти подвиги и жертвы, за все это долгое, тяжкое страданіе ждутъ васъ камни осужденія и клеветы, брошенные иногда любящею рукою, позоръ, проклятія, заушенія...

Способны-ли вы на такой путь—во имя Христа?!.. Провѣрьте еще разъ себя—прежде чѣмъ безповоротно рѣшиться и промѣнять «отца и мать своихъ» на искусство!..

Но прежде изучите хорошо, безпристрастно искреннюю автобіографію Антокольскаго!... Какъ-бы ни лгали теперь на покойнаго, послѣ смерти его, нѣкоторые евреи, громко увѣряя, что онъ былъ «настоящій» еврей т. е. еврей, въ узкомъ значеніи этого наименованія, какъ-бы ни искажали они истины, подтасовывая, скрывая, урѣзывая для подтвержденія своего мнѣнія документы, сколько-бы противорѣчій не нашлось въ обширной частной перепискѣ покойнаго, конечно подвергавшейся втеченіи многихъ лѣтъ различнымъ вліяніямъ и настроеніямъ—съ автобіографіей Антокольскаго, обдуманно написанной имъ въ зрѣломъ возрастѣ, въ назиданіе современникамъ, должны будутъ считаться, и русскіе, и евреи, пишущіе о покойномъ... А извѣстно-ли вамъ, дорогой другъ, сколько оскорбленій, попрековъ, проклятій вынесъ Антокольскій отъ евреевъ изъ-за этой именно исповѣди, едва появилась она въ печати?...—Одно время, какъ мнѣ извѣстно, у Марка Матвѣевича сохранялась цѣлая литература еврейскаго оплеванія и угрозъ... Гдѣ-то она теперь? Знаете-ли вы, затѣмъ, какъ много зла и горя, съ самаго дѣтства, принесли евреи

Антокольскому—въ смыслѣ отрицательнаго вліянія на его природное дарованіе?—Да и теперь, громко крича одно,—увѣряя, что, какъ еврей, усопшій былъ цвѣтъ, гордость и краса «настоящаго» еврейства, что онъ всѣмъ обязанъ евреямъ —въ душѣ своей они думаютъ другое и давно, при жизни еще, прокляли Антокольскаго за открытое проповѣдываніе имъ Христовой вѣры, махнули на него рукой, какъ на еврея, погибшаго навсегда для еврейства и еврейству безполезнаго... Но умеръ Антокольскій и господа эти самую смерть его хотятъ обратить въ удобный, лишній случай для прославленія еврейства... Это-ли не гадкая, не лживая комедія?!... И развѣ хватитъ силъ молчать при такомъ насиліи?!

Вся жизнь Антокольскаго, съ момента бѣгства его отъ Виленскихъ евреевъ до самой смерти, было сплошной драмою, порой переходившей въ трагедію, такъ какъ, нося въ душѣ своей, открыто прославляя Христа, онъ безсиленъ былъ уничтожить фактъ вліянія крови, фактъ рожденія отъ евреевъ—народа, исторически неспособнаго создать что-либо свое, оригинальное въ области живописи и скульптуры, не могъ порвать всѣхъ связей съ прошлымъ, съ еврействомъ, не имѣлъ характера презрѣть вполнѣ непрошеную опеку еврейства... Изрѣдка тревожно прислушивался онъ къ доносившимся изъ Россіи ругательскимъ голосамъ евреевъ и это было его несчастіемъ: еврейство, какъ грозный призракъ, какъ упрекъ стояло передъ нимъ въ такія минуты, гасило завѣтные художественные помыслы, направляя порой дарованіе его не туда, гдѣ были личныя его симпатіи—съ пути вѣчныхъ идеаловъ на путь мелкихъ явленій заурядной дѣйствительности... Недаромъ-же эта дра-

ма жизни отразилась, напримѣръ, на его произведеніи «мефистофель», душу котораго вложилъ онъ въ тѣло еврея!—Недаромъ-же создалъ онъ Ивана Грознаго, ненавидѣвшаго еврейство, уничтожавшаго евреевъ тысячами, подвергавшаго ихъ ужаснымъ пыткамъ—во время своихъ погромовъ. И евреи рукоплещутъ этой статуѣ!... Автобіографія Антокольскаго, какъ сказалъ я уже ранѣе, въ предыдущихъ статьяхъ о немъ, полна отрицательными типами современныхъ евреевъ... Во всемъ этомъ очевидно выразился своего рода протестъ, вопль оскорблявшейся многіе годы, уязвленной души, исповѣдь наболѣвшаго, израненнаго сердца, вылившаяся въ мраморъ, на бумагу, пожалуй... месть за прошлое еврейству, извѣстной части его...

И вы напрасно думаете, что въ минуты созданія подобныхъ обличительныхъ произведеній Антокольскій не любилъ своего еврейскаго народа... Нѣтъ, онъ любилъ его, любилъ той любовью, источникомъ которой служитъ жалость, которая для возвышенной, чуткой души—хуже страданія, любовью, которая не ослѣпляетъ человѣка, а позволяетъ ему видѣть недостатки любимаго существа... Онъ страстно желалъ еврейству иного будущаго и съ грустью сознавалъ себя безсильнымъ что либо для него сдѣлать, въ виду непониманія большинства... Не въ утопію моднаго сіонизма, не къ бреду этого вреднаго ученія звалъ онъ всю жизнь русскихъ своихъ соплеменниковъ, а къ сліянію съ Россіей, уча любить ея природу, ея матушку—Волгу, ея необъятныя степи, указывая на идеалъ ея самодержавной власти, на лучшихъ ея сыновъ...

Другъ мой! Если вы хотите идти за Антокольскимъ, то зачѣмъ упомянули вы въ письмѣ вашимъ о

сіонизмѣ, какъ могущемъ дать еще, по мнѣнію вашему, еврейству своихъ оригинальныхъ, національныхъ художниковъ?—Повѣрьте мнѣ—сіонизмъ—врагъ остального человѣчества, врагъ прогресса и, если-бы, къ несчастью прочихъ народовъ, онъ когда-либо осуществилъ на землѣ свои вожделѣнія и надежды, то народъ еврейскій, тысячелѣтіями несоздавшій своего національнаго искусства, даже въ періодъ былой государственности и славы, можетъ-ли надѣяться измѣнить природу свою послѣ столькихъ вѣковъ художественной импотенціи?—Полноте! И не стойте снова на распутьи, не слушайтесь сіонистовъ—враговъ еврейства!... Антокольскій, какъ художникъ, и сіонизмъ—несовмѣстимы... Идти за Антокольскимъ значитъ отвернуться отъ сіонистовъ... Сіонизмъ—преступленіе немногихъ противъ честнаго, трудящагося большинства многострадальнаго еврейскаго народа... И когда разсѣется туманъ сіонизма, когда евреи увидятъ себя обманутыми, а окружающую дѣйствительность еще мрачнѣе, кто знаетъ не бросятся-ли они всей массою въ объятія христіанства...

Въ письмѣ вы часто упоминаете о своемъ талантѣ... Но позвольте спросить васъ, увѣрены-ли вы, что у васъ дѣйствительно имѣется художественный талантъ? Кто сказалъ вамъ это?... Или вы только вообще талантливы, какъ многіе изъ евреевъ?

Не забывайте, что талантъ тоже своего рода тяжкій, отвѣтственный крестъ!... Способны-ли вы, подобно Антокольскому, вынести на плечахъ своихъ тяжесть тройного креста, выпавшаго на долю вашу, какъ еврея—креста роковой принадлежности по рожденію къ еврейству, креста природнаго художественнаго дарованія и креста служенія Христу въ искусствѣ?!

Не могу не сказать вамъ затѣмъ откровенно, что вы, наравнѣ со многими евреями, слишкомъ преувеличиваете значеніе таланта Антокольскаго, увѣряя, что будто-бы онъ «умеръ рано, въ расцвѣтѣ художественныхъ силъ», готовясь дать міру что-то небывалое, геніальное, безсмертное... Вы съ апломбомъ увѣряете даже, что «геніи бываютъ различныхъ размѣровъ» т. е. дѣлятся на болѣе геніальныхъ и менѣе геніальныхъ; упрекаете меня за то, что будто-бы я обошелъ молчаніемъ то мѣсто автобіографіи Антокольскаго, гдѣ, говоря о темѣ своей молодости—«инквизиторъ, арестующій евреевъ на пасхѣ», Антокольскій тепло упоминаетъ объ еврейской религіи... Объяснимся-же откровенно и спокойно!

Прежде всего вы невѣрно толкуете значеніе генія: геній, какъ міровое исключеніе, не подвергается дѣленію, сравненіямъ, конкурренціи; геній —не талантъ, который можетъ быть болѣе или менѣе силенъ, ярокъ, понятенъ, глубокъ... Шекспиръ—геній; но развѣ не стоитъ онъ до сихъ поръ одиноко во всемъ человѣчествѣ, развѣ можно его съ кѣмъ либо сравнивать?—Антокольскаго-же не только можно сравнивать съ другими выдающимися скульпторами, но и указать ему между ними подобающее скромное мѣсто... Таково свойство талантовъ...

Антокольскій—увѣряю васъ—какъ художникъ скончался давно, еще при жизни, и агонія дарованія его была очевидна для всѣхъ, любившихъ этого прекраснаго человѣка, задолго до того, когда, въ поискахъ за вдохновеніемъ, вздумалъ онъ вернуться къ старой темѣ «инквизиціи, арестующей евреевъ».—Самое возвращеніе къ этой темѣ, не по собственному побужденію, а подъ посторон-

нимъ вліяніемъ изъ Россіи, уже указывало на то, что творческая способность художника изсякла, что онъ терзается сознаніемъ творческаго своего безсилія... И, наконецъ, какое въ сущности, грустное недоразумѣніе—увлеченіе бурной, ищущей дорогъ, молодости,—выборъ подобнаго неблагодарнаго сюжета!.. Подумайте только... Семья еврея, «марана», очевидно богатая, интеллигентная, ради мірскихъ выгодъ, рѣшила совершить величайшее изъ преступленій—продать свою душу, свою вѣру и наружно стать христіанами *). Благодаря такой лжи, такой недостойной комедіи, семья эта, обманувъ общество, пользовалась извѣстное время среди чужого народа всѣми благами этого народа, благополучно впитывая въ себя его соки—въ то самое время, какъ другіе евреи, честные, правдивые, неторгующіе совѣстью, гибли въ рукахъ инквизиціи, ея палачей, на кострахъ и въ застѣнкахъ, предпочитая лютыя муки и даже позорную смерть продажнымъ сдѣлкамъ съ совѣстью... И вотъ кто-то донесъ инквизиторамъ про обманъ этихъ двухдушныхъ людишекъ «марановъ»; инквизиція приходитъ арестовать ихъ, захвативъ на мѣстѣ преступленія, такъ сказать съ поличнымъ, при исполненіи обряда еврейской пасхи... Это-ли благородный сюжетъ для идеальнаго художественнаго произведенія?—И Антокольскій—вчитайтесь въ его автобіографію!—не говоритъ о томъ, что онъ на сторонѣ гнусныхъ сдѣлокъ съ совѣстью ради мірскихъ выгодъ, такой продажности; что онъ рекомендуетъ современному еврейству этотъ путь. Нѣтъ! Онъ приводитъ лишь исторической фактъ и тѣ туманныя чувства молодо-

*) Какъ описываетъ самъ Антокольскій въ своей автобіографіи.

сти, которыя невольно натолкнули его когда-то на подобную страницу изъ прошлаго—въ объясненіе выбора самой темы... Недаромъ-же, вернувшись на склонѣ лѣтъ къ той-же группѣ, онъ облагородилъ ее, видоизмѣнилъ, связавъ—по слухамъ—съ двумя другими группами, при чемъ всѣ три произведенія должны были выразить одну отвлеченную идею. По мнѣнію моему, группа, о которой вы говорите,—грустная подробность изъ художественной жизни Антокольскаго. Я ее не замалчивалъ, но и не хотѣлъ на ней останавливаться, полагая, что самое названіе произведенія даетъ понятіе объ его содержаніи..! Но вы вызываете меня на объясненіе—и я считаю долгомъ своимъ высказаться, чтобы между нами не лежали недоразумѣнія...

Вы говорите, что упомянутая группа—«великое произведеніе», такъ какъ выражаетъ страданіе еврейства... Но, дорогой другъ мой, не всякое страданіе достойно стать темою для настоящаго художественнаго произведенія... Вотъ хотя-бы и столь нравящаяся вамъ группа... Въ ней съ одной стороны—лжецы, продажные, хитрые и способные на всякія сдѣлки съ совѣстью; съ другой—ожирѣвшіе, безсердечные инквизиторы, именемъ Христа убивающіе, истязающіе порочнаго ближняго... Гадины поѣдаютъ гадинъ... Это-ли благородный, поучительный, трогающій душу, высокій сюжетъ?.. Возьмемъ другой, болѣе близкій, намъ, примѣръ!.. Представьте себѣ, что Антокольскій, желая изобразить страданіе современнаго еврейства, въ дополненіе къ группѣ «инквизиторовъ, арестующихъ марановъ на пасхѣ», сдѣлалъ-бы группу современныхъ молодыхъ евреевъ, принятыхъ на военную службу, присягнувшихъ

по обрядамъ своей религіи на вѣрность Государю и отечеству, а затѣмъ пойманныхъ полиціей въ тотъ моментъ, когда, съ помощью болѣе опытныхъ, пожилыхъ евреевъ, они занимались тайнымъ членовредительствомъ, съ цѣлью уклоненія отъ военной службы... Подобная группа, красиво, талантливо сдѣланная извѣстнымъ художникомъ, служила-бы несомнѣнно выраженіемъ страданія, дѣйствительнаго страданія нѣкоторой части еврейства: вѣдь членовредителей, пойманныхъ на мѣстѣ преступленія, равно какъ и тѣхъ, кто увѣчилъ ихъ съ гнусной цѣлью, ждутъ арестъ, слѣдствіе, судъ, тюрьма, всевозможныя лишенія. Положеніе ихъ отразится на ни въ чемъ неповинныхъ семьяхъ ихъ,—старикахъ, женахъ, дѣтяхъ... Какъ много ужаса!.. Но развѣ подобная группа, *подобныя страданія,* способны вызвать въ нормальномъ, честномъ зрителѣ что-либо кромѣ брезгливаго сожалѣнія, осужденія и отвращенія!.. Пусть совѣсть ваша дастъ вамъ отвѣтъ...

Къ сожалѣнію, мнѣ суждено было познакомиться лично съ Антокольскимъ въ ту пору, когда, съ надорваннымъ здоровьемъ, съ разбитыми нервами, желчный, подозрительно оберегающій свою художественную репутацію, устающій жить и бороться съ неправдою, онъ постепенно терялъ вѣру въ значеніе своего таланта, хорошо сознавая промахи прошлаго, съ ужасомъ вглядываясь въ будущее... Это не мѣшало ему оставаться тѣмъ симпатичнымъ, просвѣщеннымъ, честнымъ русскимъ человѣкомъ, какимъ описалъ я его въ первой моей статьѣ. Техника Антокольскаго, къ тому времени, достигла возможнаго совершенства и, благодаря ей, онъ способенъ былъ, конечно, создать еще по заказу, за условленный гонораръ,

много красивыхъ, шаблонныхъ памятниковъ, которые нуждались-бы въ пояснительныхъ надписяхъ (въ родѣ памятника Императрицѣ Екатеринѣ II), бюстовъ знаменитостей, въ которыхъ не было-бы сходства (въ родѣ бюста Кавелина), типовъ, группъ, въ которыхъ проглядывала-бы наблюдательность и отсутствовала-бы оригинальность («споръ о талмудѣ»). Антокольскій достигъ славы, могъ, съ высоты признанной авторитетами христіанскаго искусства, репутаціи, упиваться похвалами льстецовъ, безбоязненно смѣясь изъ далекаго Парижа на инсинуаціи и ярость извѣстной части русскихъ евреевъ, которые, къ слову сказать, въ тоже время, при случаѣ, тянули съ него всѣми способами деньги... Но къ сожалѣнію, какъ я уже сказалъ, мнѣніе этой части не всегда было для него безразлично, а для полноты художественнаго счастья, на склонѣ дней, не доставало ему главнаго—безъ чего искусство мертвò и даже преступно—недоставало прежняго экстаза, прежняго полета фантазіи, способности надолго напряженно сосредоточиваться на сюжетѣ, жить долго однимъ и тѣмъ-же настроеніемъ. Гóды, голодовки, пережитое, перечувствованное постепенно превращали нѣкогда свободнаго художника въ талантливаго ремесленника т. е. возвращали его къ тому, чѣмъ началъ онъ въ юности своей въ Вильнѣ. И умный, чуткій, самолюбивый Антокольскій, въ тайникахъ души, не могъ не видѣть, не сознавать столь рокового превращенія, этого медленнаго упадка, угасанія своего таланта. Онъ, изучившій въ подлинникахъ высокіе образцы европейской скульптуры, не могъ не чувствовать и того холода, которымъ вѣяло отъ собственныхъ его, уже законченныхъ, стоявшихъ по музеямъ, про-

изведеній, иногда создававшихся на заданныя, лично ему мало симпатичныя, темы: онъ хорошо помнилъ исторію ихъ зачатія, обработки, продажи... Какъ все это было порою далеко отъ чистаго творчества, о которомъ онъ нѣкогда мечталъ!.. А смерть, между тѣмъ, дышала уже за спиною его, властно, насмѣшливо нашептывая: «Поздно!.. Поздно!.. Поздно!».. Но ему такъ хотѣлось еще жить, жить вѣчно въ своихъ твореніяхъ, такъ страшно, обидно было «пройти надъ міромъ», въ общей толпѣ «только талантливыхъ» людей—«безъ шума и слѣда,

Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда»...

Въ такія минуты ужаса и сомнѣній съ лихорадочнымъ жаромъ хватался онъ за привычный, послушный техникѣ, рѣзецъ, подходилъ къ глыбамъ мертваго мрамора, принимался за работу со стономъ умирающаго, который невѣритъ предчувствіямъ, приговору врачей, желаетъ жить во чтобы то ни стало... Но душа произведеній—увы!—не улавливалась, какъ въ былое время, образы расплывались подобно туману подъ капризомъ налетѣвшаго вѣтра, мраморъ не говорилъ, не дышалъ, не трогалъ, не поучалъ болѣе, творчество изсякло... И вдругъ припоминалась ему та отдаленная, благодатная пора, когда такъ легко созданъ былъ имъ удивительный памятникъ на могилѣ княжны Оболенской въ Римѣ—чудная, горячая мечта, порывъ чистаго, свободнаго вдохновенія, благодарность въ мраморѣ Христу за Его ученіе,—мечта, проникнутая идеей христіанскаго безсмертія, христіанскаго воскресенія... Создать-бы еще что либо подобное, идеальное, задушевное,

уносящее отъ земли въ область загробной тайны, загробныхъ тѣней, еще разъ, быть можетъ, въ послѣдній, расправить усталыя, отяжелѣвшія крылья воображенія, ринуться въ голубую высь фантазіи, въ сіянье вѣчнаго идеала, уйти отъ казенныхъ заказовъ, отъ толпы, отъ дневныхъ дрязгъ!.. А неумолимая смерть по-прежнему нашептывала роковыя слова: «Поздно!.. Поздно!..» И онъ страдалъ, страдалъ невыносимо...

Повѣрьте, другъ мой, что Антокольскій вѣрно предугадалъ судьбу свою... Какъ всякій талантъ онъ, конечно, на время оставитъ слѣдъ въ искусствѣ, но затѣмъ скоро забудется въ обществѣ неспеціалистовъ, и настанетъ время, когда потомки наши не поймутъ, какъ могли когда-то удивляться многимъ, оплаченнымъ десятками тысячъ, мраморамъ, украшающимъ залы музея Императора Александра III... Вы можете назвать меня профаномъ, варваромъ, отсталымъ, если я скажу вамъ откровенно, что небольшую бронзу еврея Гинсбурга въ томъ-же музеѣ, изображающую уличнаго мальчугана, играющаго на ниткѣ—бронзу, скромно пріютившуюся у лѣстницы, я охотно промѣнялъ-бы на большинство надѣлавшихъ въ Россіи шума произведеній Антокольскаго, гордо стоящихъ по заламъ музея. Въ этой вещицѣ—такой юморъ, столько задора молодости, правдивости и чувства мѣры, не говоря уже объ идеѣ—возникновенія, первыхъ шаговъ музыки!!.. Но и Гинсбургъ —далеко не геній, а лишь симпатичный талантъ, ставшій такимъ подъ вліяніемъ Антокольскаго т. е. подъ сѣнью христіанской культуры...

Вы пишете, между прочимъ, что васъ огорчилъ споръ мой съ евреями объ искусствѣ, непониманіе ими того, что я хотѣлъ печатно вы-

сказать объ Антокольскомъ... Но трудно, невозможно быть понятымъ, когда люди говорятъ на разныхъ языкахъ... А я увѣренъ, что большинство изъ тѣхъ евреевъ, которые ругали меня въ еврейскихъ газетахъ и спорили со мною,—евреевъ, позволяющихъ себѣ называть Антокольскаго міровымъ геніемъ, никогда ничего невидѣли, кромѣ музеевъ въ столицахъ Россіи, въ которыхъ скульптура, за немногими исключеніями, представлена крайне слабо, гдѣ, поэтому, даже Антокольскій является уже довольно крупной величиною, да плохихъ фотографій съ произведеній европейской скульптуры... Я—же, въ прошломъ году побывалъ за-границей, имѣлъ невыразимое счастье неоднократно поклониться въ подлинникахъ безсмертнымъ, признаннымъ такими всѣмъ цивилизованнымъ міромъ Европы, произведеніямъ—въ мраморѣ и бронзѣ... Какимъ урокомъ по части одной скульптуры послужила для меня Италія!.. И какъ жалокъ, холоденъ и мало оригиналенъ, даже порою подражателенъ (кромѣ памятника кн. Оболенской) показался мнѣ, въ сравненіи съ этими художниками, имена которыхъ часто совсѣмъ неизвѣстны, прославленный Антокольскій!.. За то, какъ высоко стоитъ наша современная живопись въ сравненіи съ современной-же за-граничной, какіе среди насъ живутъ и работаютъ титаны искусства на этомъ поприщѣ!.. И мы почти не замѣчаемъ, мало цѣнимъ ихъ...

Недавно, бродя по кладбищамъ С.-Петербурга и отыскивая дорогія могилы, поражался я вопіющимъ безвкусіемъ, скудоуміемъ, шаблонностью памятниковъ надъ прахомъ нашихъ отечественныхъ знаменитостей, хотя-бы напримѣръ, композитора Чайковскаго... Надо-же было умудриться

создать такую безсмыслицу! И вдругъ, на кладбищѣ Александро-Невской Лавры, недалеко отъ той-же могилы Чайковскаго, еще издали остановила на себѣ мое вниманіе мраморная фигура, изображающая прекрасную, молодую женщину, въ изнеможеніи, съ опущенными руками, прислонившуюся къ надгробію... То былъ лучъ свѣта, твореніе несомнѣннаго таланта, воплощенная скорбь любящаго существа по юной, рано отлетѣвшей, жизни... Я подошелъ ближе и прочелъ внизу памятника: «Milano».—Все стало яснымъ!... Такъ и унесло меня мысленно въ Геную, на ея «Campo Santo», въ Римъ, въ Венецію, Флоренцію...

Дорогой другъ! Если у васъ есть средства, если вы свободно располагаете собою—поѣзжайте немедленно въ Италію, пока невыработалась ваша техника, пока вы ищете еще путей въ искусствѣ!—Изучите тамъ, на мѣстѣ, образцы италіанской скульптуры, проникнитесь идеалами, вдохновившими италіанскихъ художниковъ!.. Не только окружающая жизнь, въ ея высшихъ духовныхъ проявленіяхъ, но сама смерть дала имъ тысячи высоко-поучительныхъ, трогательныхъ темъ... Да иначе и быть не можетъ: вѣдь христіанство—побѣда духа надъ смертью, и все искусство Италіи, въ сущности, — сплошной, торжествующій, побѣдный гимнъ Христовой вѣры... До этой-же поѣздки вашей мы будемъ спорить съ вами, говорить о скульптурѣ на разныхъ языкахъ и вы мнѣ можете повѣрить или не повѣрить на̀слово... Италія научитъ васъ, что создавать типы евреевъ, спорящихъ фанатично, до отупѣнія, о тонкостяхъ, лабиринтахъ талмуда, еврея портного, вдѣвающаго нитку въ иглу, чтобы заштопать старое платье, еврея, алчно считающаго выручку,

даже цѣлую группу евреевъ, наружно принявшихъ христіанство, но въ тайнѣ исповѣдующихъ еврейскую религію, арестуемыхъ за обманъ инквизиціей, какъ-бы правдиво ни были сдѣланы съ натуры типы, ермолки, лапсердаки, и т. п. принадлежности еврейскаго быта—не значитъ еще служить настоящему, идеальному искусству; что все это—только низшая ступень, первый шагъ, первый жалкій лепетъ искусства вообще... Вѣчно въ искусствѣ лишь то, что служитъ душевному идеалу, будетъ-ли это идеалъ отвлеченной правды, или идеалъ душевной красоты, или то и другое вмѣстѣ... Отрицательное-же, будничное, порочное, плотски-чувственное не можетъ быть идеально по внутреннему содержанію, почему и искусство, воспѣвающее внѣшнее, временное, служащее низменнымъ страстямъ, политикѣ и ея героямъ, осуждено на гибель, на забвеніе... Развѣ трогаютъ васъ обелиски, пирамиды, сфинксы Египта, боги и богини языческаго Рима, языческой Греціи?— Вы удивляетесь красотѣ, пластичности формъ этихъ фигуръ, размѣрамъ, прочности, загадочности древнихъ сооруженій и... неудовлетворенные, проходите, спѣшите уже далѣе—въ исканіи образцовъ вѣчной красоты, которая не есть красота внѣшнихъ формъ, а красота безсмертнаго духа...

Не задавали-ли вы себѣ вопроса, почему много-страдальный, удивительный по своей живучести, достойный во многихъ отношеніяхъ подражанія, еврейскій народъ—народъ, оставившій человѣчеству такой поразительный литературный памятникъ, какъ библія, народъ, черезъ тысячелѣтія гоненій, шельмованія, борьбы, истребленія, пронесшій до современнаго человѣчества въ неприкосновенности, какъ святыню, вѣру, своихъ отцовъ,

національныя особенности,—народъ этотъ до сихъ поръ не сказалъ ничего своего въ области живописи и скульптуры?!... Да потому, что въ основаніи этихъ двухъ отраслей искусства всякій народъ кладетъ свои національные, отвлеченные идеалы... Вотъ мы и договорились съ вами снова до моего мнѣнія, что еврей, желающій сдѣлаться настоящимъ, оригинальнымъ «душевнымъ» художникомъ, неминуемо, вслѣдъ за Антокольскимъ, долженъ бѣжать, спасаться изъ еврейства... Позвольте напомнить вамъ трогательное сказаніе Евангелія—о Мароѣ и Маріи!—Въ сущности, христіанская и еврейская религіи были, есть и будутъ—родныя сестры—Мароа и Марія—дочери одного и того-же отца, двѣ еврейки, родившіяся въ одной и той-же странѣ, подъ однимъ и тѣмъ-же солнцемъ, между которыми—много общаго. Но какъ разошлись пути Мароы и Маріи со времени появленія Спасителя!—Мароа, попрежнему, вся страстно погружена въ житейскія мелочи, въ обрядности, въ узкія заботы о своемъ углѣ, о довольствѣ живущихъ съ нею, о благѣ соплеменниковъ, и вѣра ея полна практичности, не отдѣляется отъ земли, все сводитъ на землю. Мароа вѣруетъ только въ то, что можно осязать, видѣть, примѣнить къ жизни; идеалы ея вполнѣ проникнуты житейскими вожделѣніями... Религія дорога ей по стольку, по скольку служитъ текущей жизни... Марія-же, послѣ встрѣчи со Христомъ, послѣ бесѣды съ Нимъ, всею душою устремилась въ область вѣчныхъ, внѣземныхъ вопросовъ, вѣчныхъ идеаловъ, сомнѣваясь, душевно падая, вставая, но не отрывая глазъ своихъ отъ далекихъ созвѣздій этихъ идеаловъ, забывая личныя потребности, окружающее, дыша лишь надеждой будущаго, загробнаго возмездія.

Мароа застыла въ обрядностяхъ, тонкостяхъ своей религіи, совѣсть ея спокойна, если она соблюла эти обрядности; она счастлива своей практичной богомольностью... Она выйдетъ замужъ и будетъ плодить такое-же практичное потомство. Никакіе отвлеченные, религіозные вопросы, никакія сомнѣнія не безпокоятъ ея, такъ какъ для нее они несуществуютъ. Марія—та задыхается возлѣ сестры и рвется на свободу, къ свѣту, къ радостямъ отвлеченной истины. Она живетъ еще съ сестрою, но ушла уже впередъ отъ Мароы по пути духовнаго совершенствованія: она искренно жалѣетъ сестру въ ея обрядовомъ довольствѣ; она зоветъ ее за собой къ неземному источнику жизни вѣчной... Но Мароа не способна оцѣнить томленія сестры, не желаетъ вырываться изъ обступившихъ ея заботъ дѣйствительности, отъ земного счастья, столь доступнаго и осуществимаго; сестры не понимаютъ другъ друга и между ними уже начинаются враждебныя отношенія... Судьба сестеръ—очевидна... По уходѣ Христа, Мароа, со спокойной совѣстью, вернулась, конечно, къ своимъ привычнымъ обязанностямъ, къ своей обрядовой религій и черезъ извѣстный промежутокъ времени умерла, съ сознаніемъ полезно, честно, по завѣту, вѣрѣ отцовъ, прожитой жизни, оплакиваемая окружающими соплеменниками, такими-же практичными людьми... Ну, а Марія?—Марія навѣрно бѣжала отъ сытаго довольства, покинула домъ сестры, пошла за Христомъ на путь живой, дѣятельной любви къ ближнему, безъ различія вѣры, и быть можетъ, сдѣлалась впослѣдствіи одной изъ первыхъ убѣжденныхъ мученицъ христіанства... Исторія, душевная сущность сестеръ—исторія, сущность религій еврейской и

христіанской, и въ то-же время объясненіе развитія искусства живописи и скульптуры только въ христіанствѣ, «душевнаго», христіанскаго искусства, какъ его называетъ Антокольскій, и отсутствія своего искусства у евреевъ. Христосъ, оставивъ намъ религію, какъ цѣльное, идеальное ученье, въ которое вошло и все лучшее изъ религіи еврейской, давъ человѣчеству путеводныя звѣзды въ неземныхъ идеалахъ, позволяетъ людямъ идти къ нимъ, этимъ звѣздамъ, разными путями, руководясь свободной волею, совершенствуя себя и самые пути. Вотъ почему, въ то время, какъ еврейская религія, основанная на идеалахъ земныхъ радостей, религія разсудка, живущая земными, практичными вожделѣніями, религія, не вылившаяся въ опредѣленное ученіе, а основанная на противорѣчивыхъ толкованіяхъ мудрецовъ, застыла на извѣстной точкѣ развитія—христіанство живетъ, развивается, движется впередъ и распалось на различныя вѣры... Съ одной стороны еврейская практичная религія, эти, къ землѣ пригвожденные, идеалы, спасли еврейскій народъ отъ гибели у общей цѣли—земного благополучія, съ другой—они-же не дали развиться въ еврействѣ духу художественнаго творчества, не позволивъ евреямъ уноситься отъ земли въ заоблачныя сферы. Вѣчное-же, безсмертное искусство безусловно зиждется на вѣчныхъ, *внѣ—земныхъ*, идеалахъ, отражающихся лишь въ земной жизни человѣка. Можно-ли одну Марѳу, въ будничной ея обстановкѣ, но безъ Христа и Маріи, избрать темою для идеальнаго художественнаго произведенія?—Конечно, нѣтъ!—А Марія, даже одинокая, мечтающая о словахъ, зароненныхъ въ душу ея Христомъ,—уже благодарная тема для искусства...

Изъ всего сказаннаго я сдѣлаю общій выводъ: если вы хотите сдѣлаться, какъ еврей, учителемъ, торговцемъ, коммиссіонеромъ, адвокатомъ и т. п. практическимъ дѣятелемъ, то вы можете оставаться въ еврейской религіи и религія ваша пригодится вамъ въ вашей дѣятельности. Но если вы твердо рѣшились стать идеальнымъ, «душевнымъ», художникомъ, живописцемъ или скульпторомъ, по примѣру Антокольскаго, то вы неминуемо порвете съ еврейской религіей и перейдете подъ сѣнь религіи христіанской.—Другого выхода передъ вами нѣтъ—повѣрьте!

Кончаю мое письмо. Оно вышло длиннѣе, чѣмъ я думалъ; въ немъ я по неволѣ коснулся вопросовъ религіозныхъ. Надѣюсь, что вы извините мнѣ это и не посѣтуете за то, что я зову васъ ко Христу?—Евреи—удивительно обидчивы — и малѣйшій намекъ на ихъ недостатки, на необходимость перемѣны въ ихъ жизни, вызываетъ цѣлый переполохъ... Они видимо считаютъ себя сверхчеловѣками!.. Но мы, христіане, привыкли уважать чужое мнѣніе, чужія вѣрованія. Меня не удивилобы, не обидѣло, если-бы, напримѣръ, симпатизируя мнѣ, вы выразили надежду — видѣть меня «настоящимъ» евреемъ... Я поблагодарилъ-бы васъ за желаніе мнѣ добра... Отчего-же на меня обидѣлись евреи за то, что я назвалъ Антокольскаго христіаниномъ?

Въ Вильнѣ-ли вы и прійдете-ли ко мнѣ послѣ настоящаго моего письма?—Условимтесь-же, что если вы промолчите, то это будетъ знакомъ того, что вы несогласны съ моими доводами, не можете пойти за Антокольскимъ... Но и въ случаѣ вашего молчанія навсегда сохраню я самую благодарную память о молодомъ, сердечномъ порывѣ ва-

шемъ, заставившемъ васъ такъ честно раскрыть мнѣ свою страждущую, потрясенную душу... И если-бы Христосъ когда-либо постучался въ сердце ваше и вы пожелали-бы вновь услышать мнѣніе друга—то приходите, пріѣзжайте ко мнѣ: двери моего дома всегда гостепріимно будутъ для васъ раскрыты.

Любящій васъ

А. Ж.

Г. Вильна,
5 Сентября 1902 года.

I 15831

Цѣна 40 коп.

из с/х
а44353
НЕ

2011147058